

ИРИНА ФЕДОСОВА

ПРИЧИТАНИЯ

(ИЗБРАННЫЕ)

026587

КАРГОСИЗДАТ
ПЕТРОЗАВОДСК 1937

НАРОДНАЯ ПОЭТЕССА ИРИНА АНДРЕЕВНА ФЕДОСОВА

ИРИНА ФЕДОСОВА

В народной поэзии, как и в книжной литературе, есть несправедливо забытые имена. Они известны только узкому кругу специалистов, потому что их произведения давным-давно стали библиографической редкостью и доступны лишь очень немногим. Такова судьба и народной поэтессы Ирины Андреевны Федосовой. О ней говорят в университетских аудиториях, ее изучают — она признанный классик русской народной поэзии, но в читательской среде ее почти совсем не знают.

Карелия в течение последнего столетия выделила многих замечательно талантливых художников народно-поэтического творчества. Имена Архипа Пертунен, его сына и внуков вошли в международную литературу и стали в один ряд с именами признанных писателей и поэтов. Такой же мировой известностью пользуется род сказителей Рябининых. Знаменитый карельский эпос „Калевала“, лучшие тексты былин, известные „Причитания Северного Края“, записанные в XIX веке в Карелии, создали своеобразную эпоху в литературе и утвердили за Карелией мировую известность и первенство по количеству и по качеству памятников народного словесного искусства. В ряду этих первоклассных художников слова одно

из почетнейших мест принадлежит Олонецкой поэтессе Ирине Федосовой. Ее талант, вылившийся в своеобразную форму народной поэзии — похоронные и рекрутские причитания, — дает яркий пример художественной деятельности нашего народа. В живых полноценных образах песни-импровизации Ирины Федосовой рисуются нетускнеющие от времени картины общественной и семейной жизни дореволюционного крестьянства. Традиционные плачи по покойникам она сумела превратить в высокохудожественную поэму о крестьянской жизни. Тоска вдовы по муже, тяжелая сиротская доля — весь комплекс личных переживаний, тесно связанный с окружающей действительностью, находит образное воплощение в ее песнях, поднимая их на уровень лучших произведений народного-поэтического творчества.

Рядом с похоронными стоит другой цикл песен Федосовой, — песни повествующие о той поре, когда военная служба продолжалась двадцать пять лет, когда принятый в солдаты редко возвращался на родину. Поэтому проводы рекрута немногим отличались от похорон. Плачем и причитаниями осиротевшая семья, родные и друзья провожали живого „покойника“. С исключительным мастерством и тактом большого художника Федосова перевоплощается то в одно, то в другое действующее лицо трагического расставания и воспроизводит полную страданий и унижений жизнь солдата в царской армии:

И в злодйной этой службе государевой
И не начнешься — ты горя накачаешься,
И не наднешься — обидушки навидишься;
И невзначай да получать будешь поушенья,
И ты не знашь за что побои превеликие.
Уже ой да горе служба государева,
И как еденьце вам буде ведь скотинное,
И точно, питьеце победным лошадиное:
Уеданьце — вам будут ведь сухарики
И вам питемьце — то водушка со ржавушкой;
И хоть не великую вину да вы провинитесь,
И нету милости, несчастным, нет прощеньца;
И под бока станут солдатскии подтыкивать

И подобьют да ваши ясны эти очушки
И победную несчастную головушку,
И дают розги во несчастны ваши плечушки,
И уже бьют да так несчастну вашу спинушку
И страшно-ужасно ведь палками великими,
И вам не сто дают ведь разом целу тысячу;
И тело с мясом у несчастных смешается,
И как из плеч да ручьем кровь-то разливается.

И буди проклята на сем да на белом свете —
Уж как это зло великое несчастье,
Все злодийное проклято бесталаньце —
Уж как эта грозна служба государева!

В своем творчестве Ирина Федосова не знала тематических преград, свойственных многим рядовым исполнителям фольклора. Богато поэтически одаренная, она откликнулась на все явления окружающей жизни. Она смело импровизировала, создавая тут же на месте, новые произведения применительно к тому или иному случаю. Таким образом Федосова создает замечательный плач причитание о крестьянине, убитом молнией. Или вот как, например, дает описание приезда в деревню чиновника—мирового посредника:

Как наедет мировой когда посредничек,
Он затопает ногами о дубовой пол,
Он захлопает руками о кленовой стол,
Быдто зверь да во темном лесу порыкивает.
Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у них да во белых грудях.
Нету совести у них да во ясных очах.

Крестьяне, собранные по случаю приезда начальства на сход:

При кручинушке идут да при великой,
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позабчь его бранят да проклинают.

А он перед крестьянами:

В темном лесе быдто бор да разгорается,
Во все стороны быв пламень как кидается.
Быдто Свирь река, посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое.

Богатство языка, обилие сравнений, эпитетов и смелые образы придают причитаниям Федосовой огромную силу эмоционального воздействия. Недаром А.М. Горький так высоко ценил исключительную талантливость Олонецкой во пленницы. В 1896 году в Нижнем-Новгороде в одном из концертных зал Всероссийской выставки Горькому удалось слышать причитания и песни Федосовой, и он восторженно рассказывает об этом выступлении в одном из фельетонов, озаглавленном „Во пленница“.

Он пишет: *)

„Где-то сбоку открывается дверь и с эстрады публике в пояс кланяется старушка низенького роста, кривобокая, вся седая, повязанная белым ситцевым платком, в красной ситцевой кофте, в коричневой юбке, на ногах тяжелые, грубые башмаки. Лицо—все в морщинах, коричневое... Но глаза—удивительные. Серые, ясные, живые,—они так и блещут умом, усмешкой и тем еще, чего не встретишь в глазах дюжинных людей и чего не определишь словом ...

— Вы послушайте-тко, люди добрые,
Да былинку мою — правду-истину.

Раздается задушевный речитатив, полный глубокого сознания этой правды-истины и необходимости поведать ее людям. Голос у Федосовой еще очень ясный, но у нее нет зубов, и она шепелявит. Все смотрит на маленькую старушку, а она, утопая в креслах, наклонилась вперед к публике и, блестя глазами, седая, старчески-красивая и благородная, и еще более облагороженная вдохновением, то повышает, то понижает голос и плавно жестикулирует сухими, коричневыми маленькими руками.

— Уж ты гой еси, родна матушка.—
Тоскливо молвит Добрыня:

Надоело мне пить да бражничать.
Отпусти меня во чисто поле,
Попытать мою силу крепкую
Да поискать себе доли-счастия.

---

*) Н. Пиксанов „Горький и фольклор“, Л., Гослитиздат, 1935

По зале носится веяние древности. Растет голос старухи и понижается, а на подвижном лице, в серых ясных глазах—то тоска Добрыни, то мольба его матери, не желающей отпустить сына во чисто поле... Публика раздражается громом аплодисментов в честь полумертвого человека, воскрешающего последней своей энергией нашу умершую старую поэзию.

Откашлявшись, Федосова откидывается вглубь кресла и, полузакрыв глаза, высоко поднимает голову.

Лю-бимый ты мой му-уженька-а-а...

Сила страшной, рвущей сердце тоски в этом вопле. Нота за нотой выливаются из груди поэтессы. В зале тихо... Смерть, кладбище, тоска... Потом вопила девушка, выдаваемая замуж. Федосова вдохновляется, увлекается воей песенью, вся поглощена ею, вздрагивает, подчеркивает слова жеста, мимикой. Публика молчит, все более поддаваясь оригинальности этих, за душу берущих, воплей охваченная заунывными, полными горьких слез мелодиями. А вопли—вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле,—всё рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций—да!—но полных чувства, искренности, силы и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофанов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания...

Федосова была пропитана русским стоном, около семидесяти лет она жила им, выпевая в своих импровизациях чужое горе и выпевая свое горе жизни в старых русских песнях. Когда она запела: „Собирайтесь-ка, ребятунки, на зеленый луг“, по зале раздался страшный звук—точно на кого-то тяжесть упала и страшно подавила его. Это вздохнул человек—ярославский купец Канин...

Русская песня—русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти тридцать

тысяч стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей.

Она кончила петь. Публика подошла к эстраде и окружила поэтессу, аплодируя ей, горячо, громко аплодируя. Поняли! Хороший это был момент. Импровизаторша—веселая и живая—блестит своими юными глазами и сыплет в толпу прибаутки, поговорки; толпа кричит ей в перебой:

— Хорошо, бабушка Прина! Спасибо, милая!..»

Спустя много лет Горький снова вспоминает Федосову в одном из последних своих произведений. В „Жизни Клима Самгина“, он исключительно горячо, ярко и красочно описывает ее выступление:

„На эстраду мелкими шагами, покачиваясь, вышла кривобочная старушка, одетая в темный ситец, повязанная пестреньким, заношенным платком, смешная ведьма, слепленная из морщин и складок, с тряпичным круглым лицом и улыбчивыми детскими глазами...

С эстрады полился необыкновенно певучий голос, зазвучали веские, старинные слова. Голос был бабий, но нельзя было подумать, что стихи читает старуха. Помимо добротной красоты слов было в этом голосе что-то нечеловечески ласковое и мудрое. Магическая сила, заставившая Самгина оцепенеть с часами в руке. Ему очень хотелось оглянуться, посмотреть с какими лицами слушают люди кривобоковую старушку? Но он не мог оторвать взгляда своего от игры морщин на измятом, добром лице, от изумительного блеска детских глаз, которые, красноречиво договаривая каждую строчку стихов, придавали древним словам живой блеск и обаятельный, мягкий звон.

Однообразно помахивая ватной ручкой, похожая на уродливую сшитую из тряпок куклу, старая женщина из Олонекского края сказывала о том, как мать богатыря Добрыни прощалась с ним, отправляя его в поле на богатырские подвиги. Самгин видел эту дородную мать, слышал ее твердые слова, за которыми все-таки слышны были и страх и печаль, видел широкоплечего Добрыню: стоит на коленях и держит

меч на вытянутых руках, глядя покорными глазами в лицо матери...

Федосова начала рассказывать о ссоре рязанского мужика Ильи Муромца с киевским князем Владимиром. Самгин, снова очарованный, смотрел на колдовское, всеми морщинами говорящее лицо, ласкаемый мягким блеском неугасимых глаз. Умом он понимал, что ведь матерый богатырь из села Карачарова, будучи прогневан избалованным князем, не так, не этим голосом говорил и, конечно, в зорких степных глазах его не могло быть такой острой иронической усмешки... Но ... Самгин вдруг и уже не умом, а всем существом своим согласился, что вот эта плохо сшитая ситцевая кукла и есть самая подлинная история правды добра и правды зла, которая и должна и умеет говорить о прошлом так, как рассказывает Олонецкая кривобокая старуха, одинаково любовно и мудро о гневе и о нежности, о неутолимых печалях матери и богатырских мечтах детей, обо всем, что есть жизнь“.

Так великий русский писатель характеризовал замечательного художника народно-поэтического творчества. Блестящие зарисовки Горького являются прекрасным литературным портретом Федосовой и дают нам яркое представление о силе ее таланта и о том большом неиссякаемом источнике художественных ценностей, которые во все времена создавал и создает наш талантливый народ.

В наш сборник включена лишь небольшая часть поэтического наследия Ирины Федосовой. Назначение книги — познакомить широкий круг советских читателей по избранным образцам с творчеством знаменитой Олонецкой в пленнице.

Причитания Ирины Федосовой были записаны в Петрозаводске Е. В. Барсовым в течение 1867 года. Впоследствии Барсов опубликовал свои записи, составившие две части (одна часть вышла в 1872 г.; вторая — в 1882 г.).

В качестве биографического материала ниже приводится рассказ самой исполнительницы о своей жизни.

А. Нечаев.

РАССКАЗ ИРИНЫ ФЕДОСОВОЙ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

«Родители мои, Андрей Ефимович да Елена Петровна, были прожиточные и степенные; мать — бойкая: на 22 души пекла и варила и везде поспела, не рыкнула, не зыкнула; отец рьяной — буде прокричал, а сердцов не было; был еще брат, да две сестры, а в них толку мало; я ж была сурова; по крестьянству — куды какая: колотила, молотила, веяла и убирала; севца не наймут, а класца наймут; 8-ми год знала, на каку полосу и сколько сять; 6-ти год на ухаж лошадь гоняла и с ухажа домой пригоняла; раз лошадь сплеснулась; я пала; с тех пор до теперь хрома. Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна: где что слышала, пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, старину ли какую. На гулянку не кехтала, не охотила; на прядиму беседу отец не спущал, а раз в неделю, молча, уходила; приду — место сделают у свитца, шутить была мастерица, шутками да дурками всех расшевелю; имя мне было со изотчиной; грубого слова не слышала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу... Стали люди знать и к себе приглашать — свадьбы играть и мертвым честь отдавать.

С малолетства любила я слушать причитанья; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: суседку выдавали замуж, а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали: „Кроме Иришки некому“. На беседах дала себя знать; бывало там свадьбой играли и я занарок причитывала. Ну и пригласили; мать отпустить не смеет. Писарь волостной был сродник невесте; пристал ко мне и говорит:

—Согласись, мы уговорим отца,—не выдаем тебя в брань, да в ругательство.

Согласилась, произвела свадьбу. До весны дело дошло. Стали звать на другую свадьбу. Отец и говорит:

—Не для чего ее приглашать: ведь не знает она ничего.

—Как не знает? По зиме у суседки причитала.

Отец возгорчился:

Кто, скаже, позволил?

—Писарь Петр Кондратьевич, — отвечала мать, — да голова Алексей Андреевич.

—Ну, когда эдакие лица просят, так — пусть; для меня как хочет; дело ейное.

Замуж вышла 19-ти лет; женихи все боялись, что не пойду, да и я того не думала и в уме не держала, чтобы замуж итти: сама казну наживу да голову свою кормлю. Перво—сватали за холостого, парня молодого; родители не отдали. После многие позывали, да сама не хотела—будь хоть позолоченой не пойду. Тут люди стали дивоваться, а я замуж собираться; пал на сердце мне молодой вдовец: знать судьбина пришла. Дело было так: приехал сусед с дочерью в гости; у нас в деревне была „беседа игримая“; старик-гость сидит да толкует с отцом; а я говорю отцу:

—Спусти на беседу.

—Куды?—говорит,—можно и дома; греха-то тут на душу.

Гость упрашивает, чтобы отпустил: она, скаже, такая разумная да к людям подходительная—отпустить можно.

—Не спущу, — отвечал отец, — лучше не говорите.

Замолчала я, села пряхь и в уме взяла: „не поеду за сеном, не поплешь ни за что“.

Смотрел, смотрел отец:

—Что, скаже, груба сидишь? Ступай на беседу, коли охота такая привязалась.

Я просто-запросто, в сарафане костыч, в фартучке, прялицу в руки—и на беседу. Место сделали; приехавшая гостья и подзывает:

—Сядь ка ты подле меня, есть поговорить. Девко, думаешь ли замуж?

—Нет жениха,—говорю я.

—Жених есть, да не смеет звать—не пойдешь.

—Для чего;—отвечаю я,—завету не ту; прилюбится и ум отступится; судьба есть, так пойду. Какой такой?

—Удовец—уже ли не запомнишь? Петр Трифонович.

—Какой такой пестрый воскрес; какое у него семейство?

—Сын да дочка; сын женатой, да у сына двое детей.

—Фатеру знаю, а жениха не знаю.

—Девко, можно итти; участочек хорошей, а ты бойкая; сам он год шестидесяти.

—Ну, это дело терпящее, ночью с ангелом подуваю, а утром скажу; отцу не докладайте.

С беседы пришла до первых петухов; не ем, не пью; мать заметила:

—Что ты, скаже, сдняяла; сурова ты; что ты, голубонько, кручинишься?

Легла спать; не спится, а думается, в девушках сидеть, али замуж итти.

—Ну-ко, беседница,—утром рано подымал отец,—на ригач ставай—молотить.

Встала, дело делаю, а сама—не своя. Поведала думу невестке, хозяйке братовой.

—Баба,—скажу,—замуж зовут.

—Ну что,—говорит,—ведь ты не пойдешь.

—Нет,—отвечаю,—можно. Как сваты приедут, Ермиловна, ты скажи им, где я; так я посмотрю жениха.

С овина отпорядничалась, случились повозники в Толвую—на Горки. Я подавалась родителям; спустили, и я в гости съехала; отсюда на свадьбу позвали

в Заозеро к Мустовым. Женихи приехали к отцу, их повестили, куды я отправилась; приехали они на Горки, где я в гостях, и здесь не застали, вслед за мной— в Заозеро. Сижу я там и пою со слезамы, обидуюсь; как слышу, вдруг в горнице самовары готовят, большухи уху варят; к крыльцу три мужика на двух лошадях подъехали, гляжу, один знакомой, другого не узнала даже; в умах нету, что женихи наехали. Богу помолились, но фатеры похаживают. Один из них, Петр Андреевич, и говорит:

—В тебе нуждаются, ты далеко заехала, мы за делом были у вас—святать; ну, как слышно, есть в Кузаранде свадебка? Ведь дело заговельное.

—Бог ли понесет, с воли да в подневолье,—ответила я.

—Нет уж, как хошь, надо итти, мы такую даль ехали

—А где же жених?—спросила я.

—А вот он, по фатеры похаживает,—сказал Петр Андреевич.

—Я неволи не лисица; не объем, не обцарапаю; пусть сам заговорит, не семнадцать лет.

Жених сел подле меня и говорит:

—Идешь ли замуж?

—Не знаю,—итти ли.

—Иди,—говорит,—не обижу.

Стал подбивать и подговаривать.

—Век так ласкает ваш брат.

Со свадьбы отправилась я в Толвую, где в гостях; скоренько разделась, поужинала. Приехал и жених. Сижу я за прялкой; он подсел и говорит:

—Умеешь бойко прясть.

—Еще бы,—говорю,—не в лисях родилась, не пням богу молилась. Ну, что ты,—говорю,—берешь меня; я человек молодой,—ты матёрой; мне поважено по свадьбам ходить да игры водить; вы люди—матёры, варить не будете; какое будет житье: биси в лисе насмеются; да и мне не охота выходить; выйдешь, замужье—не хомут, не спехнешь; не мило, да взглядывай, не любá свекровка—звать ю матушкой; хúdo мое мужишко—веди его чином.

Жених на это заметил:

— Не крепка жена умом, некрепишь тыном.

— Ну, когда так, — порешила я, — пойду; что будет, хоть худо, хоть хорошо, а ты помни: дом вести — не бородой трясти, жену детей кормить не розиней ходить. Теперь поезжайте на родину скорее, а то, смотрите, мужики за бревнами уедут; дело затянется, долго ждать.

Они отправились, а мы легли спать; не спится мне: к худу ли, али к добру тянет; сон на глаза нейдет. На улице стало на свет похоже. Сестра печку затопила; гляжу — брат приехал за мной. Я сплю не сплю; сестрия будит:

— Ставай, брат приехал.

Стала, поздоровалась:

— Тебя, — говорит, — сватают.

— За кого? — спрашиваю, будто сейчас и слышу, не знаю жениха.

— Не пойду, — говорю, — здесь останусь; бог с ним, кто такой там приехал.

— Поедем, — говорит, — не велено оставить.

Оделась, поехала. Дома народу много, женихи в большом углу; я глаза перекрестила, поклонилась — была ветреная мельница; там отец с нима занимается, а я и не гляжу на женихов. В печке все стопелось, я колобы расклената; гляди, жених, — я знаю шить и кроить и коровушек донть и порядню водить; тут наладила пойво, — и в умах нету, что в избе женихи, порядничая. Они позвали родителя в сени:

— Пойдем, — дескать, есть поговорить.

Сошли, поговорили. Отец с матушкой меня — в особый покой.

— Что дочь, — говорят, — женихов приказала? Идешь ли замуж?

— Как хотите, — отвечала я, — на воле вашей; вы кормили-поили, дочь я ваша и воля ваша.

Отец порозмыслил и объявил женихам:

— На хлеб, на соль — милости просим, а по это дело не пошто.

Народу в избе множество — деревнище большое; сродники стали подговаривать, тут и я говорю:

—Что ж, родители, куды вода полилась, туды и лейся; пойду, что господь даст; худо ли, хорошо ли будет, ни на кого не посудачу.

Мать завыла и говорит:

—Что ты, дитятко, что ты оставляешь, покидаешь нас, на тебя вся надежда.

—На меня,—отвечаю,—надия какая? От девок не велики города стоят; остается у вас сын, еще дочь, невестка; мы девушки—зяблые семена—ненадежные детушки.

Родитель-отец взял свечу затопил, по рукам ударили, я заплакала, пошло угощенье: зазвала я девушек; в гости поехали—со звоном, с колокольчиками, а там—песни, игры, танцы. Матушка ужасно жалела, суседи срекались, что ходила по свадьбам, да находила: двадцатилетняя девушка идет за шестидесятилетнего старика; не стане жить любить старичонка. Удовщице ведь он, да посиделище.

13 лет жила я за ним, и хорошо было жить: он меня любил, да и я его уважала; моего слова не изменил, была воля итти, куды хочешь. Помер он в самое рожество. Все жалел меня, покойная голова:

—Не пожить тебе так, выйдешь замуж,—говорил он,—набьешься ты, нашатаешься.

Вдовой жила от рожества до филиппова заговенья. Была копейченка моя и его—в одно место клали... Сначала жила и в умах не было закон переступить. Тут стали сватать за Якова Ивановича с Кузаранды.

—Пойду ли?—говорила,—что вы? Жених ли Федосов?

Пришел его брат сватать, отперлась. Затым—старушка дядина ко мне по вечеру, стали беседовать:

—Поди,—говорит,—за Якова;

Подумала, подумала и согласилась.

В тот же вечер жених с братом ко мне: кофеем напоила, посоветовала, слово дала; на другой день я встаю с постели—а он с зятем уж тут. На стол закуску, водку, самовар поставила, по рукам ударила, жениху подарила рубашку, зятю полотенце, животы

прибрала, а потом и к венцу; немного причитала; от венцу стретили родные, привели в горницу, отстоявали порядком. Дядина да деверь—бранить стали, всю зиму бранили, привидла всего; Яков мой такой не хлопотной, а они базыковаты, обижали меня всячески. По весне Яков отправился к Соловкам, а я все плакала да тосковала, все крестьянство у них вела; весной скотину пасти отпускали, и я сойду, бывало, сяду в лице на деревинку или на камышек и начну плакать:

Не кокошица в сыром бору кокуе,
Это я бедна кручинная тоскую;
На катучем да сижу я синем камышке,
Проливаю горьки слезы во быстру реку...
Плачу, плачу, за тым и песню спою с горя:

Во тумани красно солнышко,
Оно во тумани;
Во печали красна девушка,
Во большой заботы.
Взвещевало мое сердце
Взвещевало зло-ретиво,
Мне-ка не сказало.
Сердце слышало велику над собой невзгону,
Что в конец моя головушка,
Верно погибает...

.....
.....

A183920

**ПРИЧИТАНИЯ
ПО
УМЕРШИМ**

I

ВДОВЫИ ПЛАЧИ

ПОСЛЕ СМЕРТИ МУЖА

Укатилося красное солнышко
За горы оно да за высокне,
За лесушка оно да за дремучие,
За облачка оно да за ходячии,
За часты звезды да подвосточные!
Покидат меня победную головушку
Со стадушком оно да со детиною;
Оставляют меня горюшу горегорькую
Навеки-то меня да вековечные!
Некак рóстить-то сиротных мне-ка детушек:
Будут по миру оны да ведь скитатися,
По подоконью оны да столыпатися;
Будет уличка—ходить да не широкая,
Путь дороженька вот им да не торнешенька;
Без своего родителя, без батюшка
Приизвнются-то буйны на них ветрушки,
И набаются-то добры про них людюшки,
Что ведь вольные дети безуненные,
Не храбры да сыновья растут безотнини,
Не красны да слывут дочери у матушки,
Глупо сделали сиротны малы детушки,

Мы проглупали родительско желаньице,
Допустили эту скорую смерѣтушку,
Мы не заперли новых сеней решетчатых,
Не задвинули стекольчатых околенок.
У ворот да мы не ставили приворотщицков,
У дубовых дверей да сторожателей;
Не сидели мы у трудной у постелюшки,
У тяжела, крута-складного зголовьица;
Не глядели про запас мы на родителя на батюшка,
Как душа да с белых грудей выходила,
Очи ясные с белым светом прощались.
Подходила тут скорая смерѣтушка,
Она крадчи шла злодейка душегубица,
По крылечку ли она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль калеккой она шла да перехожею,
Со синя ли моря шла да все голодная;
Со чиста ли поля шла да ведь холодная;
У дубовых дверей да не стучалася,
У оконечка ведь смерть да не давалася;
Потихошеньку она да подходила,
И черным вороном в окошко залетала.
Мы проглупали, сиротны малы детушки,
Опустили мы великое желаньице;
Кабы видели злодийную смерѣтушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовые,
Мы бы стлали скатерти да тонко-браные;
Положили бы ей вилки золоченые,
Положили б востры ножички булатные,
Нанесли бы всяких ествушек сахарниих,
Наливали бы ей пѣтъица медвянова,
Мы садили бы тут скорую смерѣтушку
Как за этии столы да за дубовые,
Как на этии на стульица кленовые,
Отходящи бы ей низко поклонялися
И ласково бы тут ей говорили:
„Ай же, ведь, скорая смерѣтушка!
„От господа распятого, знать, создана.
„От бладыки на сыру, знать, землю послана,
„За бурлацкима удалыма головушкам;
„Ты возми злодей—скорая смерѣтушка,

„Не жалею я гулярна, цветна платьница;
„Ты жемчужную возми мою подвесточку,
„С сундука подам платочки левантеровы,
„Со двора возми любимую скотинушку.
„Я со стойлы-то даю да коня доброго,
„Со гвоздя даю те уздицу тесмяную,
„Я седельшко даю тие черкасское,
„Золотой казны даю тие понадобью;
„Не бери столько надежной головушки,
„Не сироть столько сиротных малых детушек,
„Не слези меня, победной головушки“.
Отвечала злодей-скорая смерётушка:

„Я не ем, не пью в домах да ведь крестьян-
ских,

„Мне не надобно любимой скотинушки,
„Мне со стойлы-то не надо коня доброго;
„Мне не надо злотой казны бессчетной,
„Не за тым я у бладыки света послана;
„Я беру, да злодей-скорая смерётушка,
„Я удалые бурлацкие головушки;
„Я не брезгую, ведь, смерть да душегубица
„Я не нищим ведь есть да не прохожим,
„Я не бедным не брезгую убогим“.

Тут спроговорит вдова благочесливая:

„Видно нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвыи с погоста не воротятся,
Хоть не дальняя дорожка,—безызвестная,
Не лесныи перелески-мутарсливые.

Глупо сделали сиротны малы детушки,
Не сходили мы во улички рядовые,
Не дошли да мы до лавочки торговые,
Не купили лист бумаженьки гербовые,
Не взыскали писарев да хитро-мудрых,
Не списали мы родителя-то батюшка
На портрет да его бело—это личушко;
На эту на гербовую бумаженьку,
Его желты бы завивные кудерышки,
Его ясно развеселое бы личушко,
Прелестны бы учтивые словечушки,
Велико бы родительско желаньице.

Как подрастать станут сиротны малы детушки,

По сеням да станут детушки похаживать,
Из окошечка в окошечко поглядывать,
На широкую на уличку посматривать;
Приходить стане разливя красна веснушка,
Повытают снежечки со чиста поля,
Повынесе ледочки со синя моря,
Как вода со льдом ведь есть да поразбьется,
Быстры реченьки с гор да поразбьются,
Протекут да ведь мелки малы реченьки
Во это в океан—да сине морюшко;
Как пойдут наши суседи спорядовые
На трудну, на крестьянскую работушку;
Будут пахари на чистых на полюшках,
Севчи да на распашистых полосушках,
Малы детушки па мать станут поглядывать,
Сироту да меня вдовушку выпрашивать:
„Ты послушай, сирота же, вдова матушка!
„Уже где да есть родитель-то наш батюшка?“
Тут я б выняла гербовый лист-бумаженьку,
Показала бы сердечным малым детушкам.
Еще скажут то сиротны малы детушки:
„Кто же пойде на распашисты полосушки?
„Как у нас да ведь, родитель наша матушка,
„Нету пахаря на чистых полосушках,
„Сенокосца на луговых нету поженках,
„Рыболовушка на синем нет Онегушке“.
Тут я спяхнуса кручинна вся головушка,
За свою да за надежную сдержавушку;
Ушибать стане великая тоскичушка,
Унывать стане ретливое сердечушко,
Да как растить-то сиротных малых детушек“.

ПОХОРОНЫ

Что стою, бедна горющица, задумалась,
Чужих басенок, победнушка, ослухалась,
Дивовать да ведь будут мне-ка людюшки,
Знать, на радости стою да на весельице,
Снаряжаю я законную сдержавушку
Как во жирную, бурлацку во работушку:
Не в бурлакушки спущаю того вольные
Не по эту золоту казну доволную;
Накрывают эту бедную головушку
Уже этоей доской да белодубовой,
Опускают-то во матушку сыру землю,
Во погреба его да во глубокие.
Ой, тошным да мне победушке тошнешенько.
Нонь я дольщица Никольской славной улицы,
Половинщица Варварской славной Буявы *)
Нонь я дольщица великой кручинушки,
Половинщица злодийной я обидушки;
Мне куды с горя горюше подеватися?
Рассадить ли мне обиду по темным лесам?
Уже тут моей обидушке не местечко,
Как посохнут все кудрявы деревиночки;
Мне рассеять ли обиду по чистым полям?
Уже тут моей обидушки не местечко,
Задернят да все роспашисты полосушки;
Мне спустить ли обиду во быстру реку?
Загрузить ли мне обиду во озерышке?
Уже тут моей обидушке не местечко,
Заболотеет вода да в быстрой реченьке,
Заволочится травой мало озерышко;
Мне куды с горя горюше подеватися,
Мне куды бедной с обидой укрыватися?
Во сыру землю горюше наб вкопатися;
Сиротать будут сиротны малы детушки;
Будут детушки на улочке дурливые,
Во избе-то сироты да хлопотливые,
За столом-то будут детушки едучие;

---

*) Кладбища

Станут по избе ведь дядюшки похаживать
И не весело на детушек поглядывать,
Оны грубо-то на них да поговаривать:
„Ох уж вольные вы дети самовольные“.
Станут детушек победнушек подергивать,
В буйну голову сирот да поколачивать,
У меня ж тут у бедной у головушки,
У мня со́вется тоска неугасимая;
Я взмолюсь да тут ко матушке сырой земле:
Ты прими да меня матушка сыра земля,
Схорони меня с сиротным малым детушкам.

ОБРАЩЕНИЕ К СОСЕДЯМ

Поклоню да свою буйную головушку,
Покорю свое печальное сердечушко
Я со этой вышины да до сырой земли,
Своим милым спорядовым суседушкам;
Не откиньте-тко вдову вы бесприютную,
Со обидныма, сиротныма детушкам;
Да вы грубым словечком не обидьте-тось,
Да вы больным ударом не ударьте-тось,
Как пойдут мои сиротные к вам детушки,
По вашему крыльцу да по переному,
Не заприте-тко новых сеней решетчатых,
Допустите в тепловито свое гнездышко,
Ко дверям да вы на дверную на лавочку,
Да вы милостину им тут сотворите-тко
Сиротам моим несчастным—малым детушкам,
Вы на добрые дела их научите-тось,
Когда преж сего, до этой поры времечка,
Была в живности любимая семеюшка,
Маломощному суседу не корилася,
Была гордая ведь я да неноклонная,
Я с суседями была да несговорная;
Не нечаяла я горя, не наднялася,

Что разлукушки с законной со державушкой,
Что останусь, сирота вдова несчастная,
Я со этой станицей неудольной,
Со малыма "сердечныма детушкам.
Как жила я с надежной головушкой,
Была счастлива ведь я да все таланная;
Вдруг, знать, счастье то соседы обзавидали,
Добры людюшки меня да приоббаяли,
Черны вороны талан, знать, приограяли,
Видно, участь ту собаки приоблаяли.
Как по моему великому несчастью,
Тут проклятая злодийка бесталанница,
Впереди меня злодийка уродилася,
Впереди меня в купели окрестилася.
Как жила я у желанных родителей
Во своем да я прекрасном девичестве,
Изнавешана была я цветным платьицем,
Изнасажена была я скатным жемчугом:
Мои милые, желанные родители
Тут повыбрали судимую сторонушку,
Мне по разуму блада сына отецьского;
Отпускали на судиму как сторонушку,
Отдавали за блада сына отецьского
Знать, не участью-таланом награждали,
Знать, великим несчастьем наделяли;
Уж какое-то зло великое несчастью
Впереди меня злодейно снаряжалося,
На судимую сторонушку справлялося,
Во большом углу несчастью садилося,
Впереди дашло несчастье ясным соколом,
Позади оно летело черным вороном;
Впереди оно несчастье не укатится,
Позади оно злодийно не останется;
Посторонь оно злодийно не отшатится;
Кругом около несчастье обстолнилося,
Всем беремечком злодийно ухватилося,
За могучие оно да мои плечушки.
Не спешите-ткось, спорядные соседушки,
Вы нести мою надежную семеюшку,
Со этого хоромного строеньица,
Ты прошайся-ко, надежная головушка,

С этим добрым хоронным строеньцом,
Со малыма сердечныма детушкам;
Ты со этой-то деревней садовитою,
Ты со волостью этой красовитой;
Ты со этыма спорядныма суседушкам.
Вы простите, спорядовы все суседушки,
Мою милую, надежную семеюшку,
Вы любимую законную сдержавушку,
Во всех тяжких его да прегрешеньцах,
Со светным его да все живленьцом,
Вы не спомните, спорядныи суседушки,
Уж вы злом его не спомните-тко лихостью.

ПОСЛЕ ПОХОРОН

Приукрылся нонь надежная головушка,
Во матушку ведь он да во сыру землю,
В погреба ведь он да во глубокии.
Призарылп там надежу с гор желтым песком,
Накатили тут катуци, белы камешки.
Прозабыла я кручинная головушка
Доспроситься у надежной у державушки:
Когда ждаты в гости любимое гостибище?
Во полночь ли ждаты по светлому по месяцу
Али в полдень ждаты по красному по солнышку?
Аль по утрышку да ждаты тебя ранешенько,
Аль по вечеру да ждаты тебя поздешенько?
Не утай, скажи, надежна мне головушка;
Ухожу своих сердечных малых детушек,
Я на эту на спокойну малу ноченьку;
С горя сяду под косевчатым окошечком,
Со обиды под туманное околенко,
Сождать буду надежну тя головушку;
Покажись-приди надежная головушка,
Хоть с подкустышка приди да серым заюшком,
Из-под камышка явись да горносталюшком;

Не убоюсь, бедная кручинная головушка,
Тебя стречу на крылечке переноем,
Отворю да я новы сени решетчаты;
Запущу да в дом крестьянску тебя жирушку;
Ты по-старому приди да по-досюльному—
Большаком ты в дом приди да настоятелем:
Видно, нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
По своим домам оны да не расходятся,
Единá стоит могилушка умершая.
У меня да у печальной бы головушки
Кабы было золотой казны по надобью;
Я бы наняла ведь плотничков, работничков,
Я бы сделала кивоты бело-дубовы,
Я на эту на могилушку умершую,
Чтобы белым снежком не заносило бы,
Частым дождичком могилы не залило бы,
Мурава трава на ней тут выростала бы,
Всяки-разны цветочки расцветали бы;
Я бы почаству туда стала учащивать,
Я бы подолгу ведь там стала усеживать.

ОБРАЩЕНИЕ К БРАТЬЯМ МУЖА

Вы послушайте-тко, братцы богоданные,
Не заprite-тко новых сеней решетчатых,
Не задвиньте-тко стекольчатых околенок,
Допустите до хоромного строеньица;
Вы возьмите-тко победную головушку,
Вы во двор меня горюшицу коровницей,
Вы во зимное гумно да в замолотчики,
Вы во летные меня да во работники;
Золотой казны вы мне да не платите-ко,
Только грубым словечком не грубите-тко,
К дубову столу меня да припустите-ко;

Не обидьте вы печальную головушку,
Не прошу да я победна горепашаица—
Со полосыньки у вас да я долиночки,
Не со пожейки у вас да я третиночки,
Половины со хоромного строеньица,
И не паю со любимоей скотинушки.
Я о том прошу победная головушка:
Вы обуйте столько резвы мои ноженки,
Вы оденьте столько белы мои плечушки,
Вы подберите победную головушку.

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕТЯМ ПОСЛЕ ПОСЕ- ЩЕНИЯ МОГИЛЫ МУЖА

Стань-послушай, мое стадушко детиное,
Кругом на-окол желанной своей матушки!
Я в гостях была победная головушка
Во гостибище у вашего у батюшки;
Я челом била ему да низко кланялась,
Перепапалась я победна в горячих слезах,
Зовучи да в дом—крестьянску его жирушку;
От тошна долит великая обидушка,
Порастрескалась несчастная утробушка:
Он не сдидял со мной доброго здоровьица,
Не спроговори́л единого словечушка,
Не спашнулся за сердечных своих детушек.
Не надия—на родителя на батюшку!
Приубрался свет—надежная голувушка
К красну солнышку—на приберегушку,
К светлу-месяцу—на придрокуюшку!
Хоть обкладена могилушка сырой землей,
Заросла эта могила муравой травой;
Из живого мертвой станется,
Из мертвѣ живой не сбудется.
Уж вы подьте-тко кокоши горегорькие,

Я прижму вас ко ретливому сердечушку,
Пороздию тут великую кручинушку;
Дал бы господи талану вам бы участи,
Не покинули б сиротной вашей матушки
Все при древней при глубокой меня старости,
Буде жизнь да долговека моя прѣдлится,
Душа грешная моя да проволочится.
Еще слушай, мое стадушко детиное!
Да как шла я путем широкой дороженькой,
Все горючима слезами уливалася,
Злой великой кручиной утиралася,
Я на стретушке людей не узнавала;
Приходить стала к крылечику переному,
На доспрос взяли суседи спорядовые:
„Да ты где была, вдова благочесливая?
„Что томным идешь, суседушка, томнешенька?
„Что заплаканы победны твои очушки?
„У породушки была, знать, именитой?
„Знать, за гостицу тебя не почитали?
„Знать, обидушки твоей да убоялись?“
Унимать стали победну уговаривать,
Мне про вас, да милых детушек, рассказывать:
Прискучали все сиротны твои детушки
Сожидаючи родитель тебя матушку,
Выходили на крылечико переное,
Выбегали на прогульную на уличку,
Все глядели во раздолье—во чисто поле,
На широку путь-дорожку колесистую;
Все приплакались сердечны твои детушки.
„Уже где-то есть родитель наша матушка,
„Да куды она родитель подевалася“.
Без ума ответ держала
Тут спорядным я суседушкам:
„Спасет бог вам, спорядовые суседушки,
„Что спажнулись за сердечных моих детушек,
„Сжаловались до обидной головушки;
„Я у синего была славна Онегушка,
„Я у пристаней была да корабельных,
„Я глядела все обидная головушка,
„Я во летную во теплую сторонушку;
„Веют ветрышки сегодня полегошеньку,

Корабли идут по морю потихошеньку,
Пекё солнышко теперь да жалобнешенько,
Все я думала победным своим разумом,
Как не едет ли любимая семеюшка
Корабельщичком на синем на Онегушке.
Уже тут у меня у бедной у головушки
Расходилася обида в ретливом сердце,
Разгорелася несчастная утробушка;
Тут я грохнулась горюша о сыру землю,
Быв как дерево свалило от буйна ветра“.

ПЛАЧ НА МОГИЛЕ

Я вночесь да спала темной этой ноченькой;
Прилетали перелётны малы птиченьки,
Малы птиченьки летели то незнамье,
Прилетал да этот мелкой соловеюшко,
Друга птиченька орел да говорячей;
Соловеюшко садился под окошечко,
Как орел да эта птичка на окошечко;
Соловей стал потихошеньку посвистывать;
Как орел да жалобнешенько выговаривать;
Они тоненьким носочком колотили,
Человечьим они гласом прогласили,
От крѣпка сна меня тут разбудили
И впотай мне-ка бедной говорили:
„Ай же, стань-ко, ты вдова, да пробудися,
„От крѣпка сна, несчастна, прохватися.
„Ты спяхнись да за надежную головушку,
„Ты справляйся во любимое гостибнице;
„На сегодняшней господень божий денечек—
„Тебя ждет в гости любимое гостибнице,
„Твоя милая надежная головушка;
„Там построено хоромное строеньице—
„Прорублены решетчаты окошечка,
„Врезаны стекольчаты околени,
„Складены кирпичны теплы печеньки,

„Настланы полы да там дубовые,
„Перекладинки положены кленовые,
„Чтобы шла да, ты горюша, не качалася,
„Чтоб дубовая мостинка не сгибалася;
„Порасставлены там столики точеные,
„Поразостланы там скатерти все браные,
„И положены там кушанья сахарные
„И поставлены там пійтыца медвяные,
„Круг стола да ведь все стульице кленовое,
„У хором стоит крылечко с переходами;
„Сождат тебя надежная головушка“.
От крепка сна горюша пробудилася,
Я за мелких этих птиченок хватилася,
Я вдовинным своим разумом сдвинулась:
Что за чудушко то мне да причудилось?
Что за дивушко-то мне-ка предьявилось?
Мне во снах ли то горюше показалося?
На яву ли то горюше объявилось?
Тут скоренько-я с кроваточки ставала,
Тут со радости слезами обливалася,
Со досадушки кручинной вытиралася,
Тут издула огонечки муравейные,
Затопляла я кирпичну свою печеньку,
Скоро стряпала стряпню я суетливую,
Скоро ладила обеды полуденныи,
Я справлялася во любимое гостибище
Шла путем да как широккой дороженькой,
Все колоденки в обиды припинала,
Со кручины башмачонки притоптала;
Приходила тут к могилушке умершей,
Обманул-ка меня малой соловеюшко,
Облукавил ведь орел да говорючей;
Не поставлено хоромное строеньице,
Едини лежат катуци сини камешки.
Мне-ка сесть бедной горюше, пригорюниться,
Мне принасть да ко могиле, приглубиться,
Воскликать-да мне надежу—не докликаться.
Я просить буду победная головушка:
Вейте буйны, вейте ветры, столько, ветрушки,

Со домов да жолобов вы не снимайте-тко,
На синем море волны да не давайте-тось,
Кораблей больших ведь вы не разбивайте-тось,
Вы удалых голов не потопляйте-тко;
Сколько вейте-тко, вы буйны ветероченьки,
На эту на могилу на умершую!
Раскатите-тко катучи белы камешки,
Разнесите-тко с могилушки желты пески,
Мать сыра земля теперь да расступилась бы,
Показалась бы колода белодубова;
Распахнитесь тонки белы саватиночки!
Покажитесь телеса мне-ка бездушные!
Вложи, господи, ведь душу во белы груди.
Ему зреньцо во ясные во очушки!
Ум-тот разум-от во буйную головушку.
Как речист язык в уста да во сахарные,
Ему силушку во резвые во ноженки,
Как могутушку в могучи его плечушки
Как маханьицо--во белы его ручушки!
Да ты стань-востань надежная головушка,
На свои да стань могучи резвы ноженки;
Да ты сдей со мной доброе здоровьицо,
Воспроговори единое словечушко:
Ты спроси да у победной у головушки
Про мое да ты вдовиное живленьцо.
Не дай, господи, на сем да на белом свете,
Без тебя жить без надежной головушки,
Мне со зтыма со братьям богоданныма;
Не по силушкам крестьянска мне работушка,
Все не трудницей у них я не работницей;
Как сегодняшним господним божьим денечком
Знать разгневалась надежная головушка:
Я не почаству к тебе да ведь ухаживаю,
Я не подолгу горющица усиживаю,
Видно, долго я к тебе да собиралася?
Я у братьицев еще ўтрось подавалася,
У ветляных нешуток домогалася,
Как гордливые ветляные нештушки
Мне-ка с грубости горющице сказали,
Не с веселья светы братцы отвечали:
„Недосуг итти в любимо во гостибище,

„Постановится крестьянская работушка“.
Я того бедна вдова да не пытаются,
Я с горячими слезами придвигалася,
Понизешеньку я братцам поклонялася,
Ненадолго поры времечка давалася,
На один столько господен божий денечек;
Светы братица мои да сжаловались,
Оны ласково меня да приласкали;
Тут спустили во любимо во гостибище;
Хоть в гостях бедна горюша побывала,
Не убавила кручинушки—прибавила,
Как я шла да путем—широкой дороженькой;
Все я думала победным, буйным разумом,
Угощусь да у любимой у семеюшки;
Я подумаю-то крепкой с ним ведь думушки,
Пороздию тут великую кручинушку;
На глаза ко мне, мой свет, да ты не явишься,
На сговоры мне победной не сдаваешься;
Видно, нет тебе там вольной этой волюшки;
Знать за тридевятъ за крепкими замками,
Сторожа стоят ведь там да все не стариют,
Как булатнии замки да все не ржавиют;
Видно век мне-ка горюше не видать буде,
Видно на слыхе победной не слышать буде,
Про свою да про надежную головушку;
Мне пойти было кручинойею головушке,
Мне спросить еще победнойею горюшице,
У своей-то у законной у сдержавушки:
„Где работушка победнойею работать мне-ка?
„Где век-от горюше коротать буде?
„У твоих ли мне у братцов у родимых.
„Али вытти на родиму взад на родину?“
Пораздумаюсь победная головушка:
Мне не гостыницей на родинке гостить буде;
Я от бережка горюша откачнулась;
Я ко дру́тому победна не прикачнулась.
Как послали тебя надежная головушка,
Я не знаю-тэ победна горешаница,
Кое день, кое темная е ноченька.

В ПРАЗДНИК, СПУСТЯ ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ МУЖА

Мне пойти было кручинной головоушке,
Мне во эти мелко-рубленные клеточки,
Мне-ка взять было ключи да золочены,
Отомкнуть было ларцы да окованные,
Мне-ка вынять там желеточки шелковые.
Мне-ка взять да столько цветно его платьицо
На свои мне-ка на белы-эты рученьки,
Приложить было ко блеклому ко личушку,
Мне прижать было к ретливому сердечушку;
Тут присесть было к стекольчату окошечку,
Во руках держать да цветно его платьицо,
Поглядить да на восточную сторонушку,
Мне ко этой божьей церкви посвященной,
Поглядить да на путь-широку дороженьку.
Тут нейдет ли то надежная головоушка,
Не оденется ль во цветно он во платьицо,
Не пойдет ли ко бладычному ко праздничку,
Не возрадуется ль ретливое сердечушко
У меня да у победной у головоушки.
Ты приди темерь, надежная головоушка,
Единым темерь ведь я да единёшенька
На сегодняшний господний божий праздничек;
Я приму тебя за гостюшка любимого,
Угощу тебя желанную семеюшку.
Не могу дождать, кручинная головоушка,
Кладу платьица на стопочки точеные,
Кругом около горюница похаживаю,
Я по цветному по платьицу подрачиваю
Снаряжусь-пойду кручинная головоушка
Ко этому бладычному ко праздничку,
Повзыскать пойду надежную семеюшку
Я во этих толпах да молодецких;
Прибирать стану постылая головоушка
Я по белому его да все по личушку,
Я по ясным его да ведь по очушкам.
Я по желтым, по завивным кудерышкам,
Я по возрасту—надежу—да по волосу,

По походочке его да по шепливой,
По говорюнке его да по уцъливой.
Не могу прибрать кручинная головушка
Не изобста я ведь да не из тысящи
Сопротив своей любимой семеюшки.
Как пойтить мне ко бладычному ко праздничку,
Подивуют мне-ка добрыи ведь людюшки.
Што забыла знать любимую семеюнку,
Все гулят да у бладычных у праздничков
Во любимой во спорядной покругушке;
Знать, приманиват удалых добрых молодцов,
Знать, на радости она да на весельице:
Нонько годушки пошли да все бедовыи,
Как бессовесной народ пошел мудреной.
Пораздумаюсь победная головушка,
Отложу да я горюша божьи празднички;
Поминать стану любимую семеюшку;
Потоскую над косевчатым окошечком,
Я поплачу на брусовой лучше лавочке;
Знать судьба моя—горюшици несчастная,
Горька участь-то моя, знать, бесталанная;
Видно жить мне без надежной век семеюшки,
Знать, коротать мне горюше свою молодость,
Мне не дать спеси во бладу во головушку,
Суровьства да во ретливое сердечушко;
Мне в веселый час горюше—не смеяться,
Мне кручинной быть горюшице—не плакать;
Светов братцев не гневить надо,
Богоданных сестриц да не сердить надо.
Я без ветрышка горюша нынь шатаюся,
На работушке, победна, призамаюся;
Надо силушка держать да мне звериная,
Потяги надо держать да лошадиныи;
Столько живуци без милоей семеюшки,
Я со этой со великой сокручинушки,
Я бы выстала на гору на высокую,
Со обиды пала в водушку глубоку бы;
Лучше матушка земля да расступилась бы,
Туды я бедна горюша приукрылась бы.
Тут не ржавело б ретливое сердечушко,
Тут не ныла бы несчастная утробушка.

Получила я победная головушка
Не любимое словечико—вдовиное;
Как несчастной вдовой да называют,
Быв холодной водой да поливают.
Во победном жить сиротском да вдовичестве!
Как послн своей любимой семеюшки
Уже шесть прошло учетных иеделюшек
Мне-ка за шесть-то учетных кажет—годигов.
Притрудилась на крестьянской я работушке
У мя силушка теперь да придержалася;
С горя рученьки мои да примахалися,
Во слезах да ясны оци примутились,
Добры людунки того да надивились,
День и ночь хожу на трудной на работушке
Не в спокою тут ретливое сердечюшко,
Не во радостях кручинная головушка,
Я во этой во великой во досадунке;
Я приду да со крестьянской работушки,
Я по вечеру приду бедна поздешенько,
Вся в собраньце любимая семеюшка.
Светушки да тут все братцы богоданны
Со своима со любимыма семеюшкам,
Со сердечныма с рожоныма со детушкам;
Как во светлую собрались оны светлицу
Во столовую во нову оны горенку;
Круг стола сидят оны да круг дубового,
Оны пьют сидят-теперь да угощаются;
Уж как я бедна кручинная головушка
Опришенна от любимой от семеюшки,
Отряхнулась я от светлой новой светлицы,
Отрешилась самоваров я шумячих;
Не за цаем-то ведь я да угощаюся—
Я горячима слезама обливаюся,
Я крестьянской работой забавляюся;
Закреплю свое ретливое сердечюшко,
Тут я ставлю им столы да все дубовыи,
Да я слажу им тут ужины вечерные,
Потихошеньку к дверям да подходить стану,
Я с затульница, с за липинки поглядываю,
Из-за дверей да разговорунки держу;
Сговорю да светам братцам богоданным:

Скоро ль идите за стол да хлеба кушать?
Засвирипятся ветляны тут нешутушки
На меня да на кручинную головушку,—
Што торопишься за ужину вечернюю,
Знать, спенишься на спокойну, темну ноченьку;
Оны искоса ведь вси тут заглядывають,
Со всей лихостью оны да разговор держат:
Не устали твои белые там рученьки;
Не работушку сегодня работала я,
За кудрявой деревиночкой стояла все,
На красное на солнышко поглядывала,
Скоро ль солнышко ко западу двигается,
Скоро ль красное за облако закатится.
Со работушки вдова да в дом пришатится,
Им не в честь моя крестьянская работушка;
Потихошеньку горюшица похаживаю,
Все по этому хорошему строеньицу,
Вся усадится любима тут семейшка
Как за стол да хлеба кушать;
Круг стола стану горюшица похаживать,
Приносить да стану ёствушка сахарни,
Словно белочка на нешутушек поглядывать;
Один умной да мой братец богоданой,
Он сироговорит единое словечушко:
Ты вдова наша невестушка родимая,
Што похаживаешь, сноха наша любимая,
Ты садись-ко ведь за стол да хлеба кушать,
Тоже дольщичка ведь ты да не подворница,
Ты участница участку деревенскому,
Ты ведь пайщица любимой скотинушки,
Половинщица хоромному строеньицу,
Ты садись, бедна, за стол да хлеба кушать.
Тут возрадуюсь победная головушка;
Благодарствую я братцу богоданому:
„Спасет бог да светушка братца любимого.
„На твоём да на великом на желаньице,
„На прелестных на ласковых словечушках“.
Тут за стол сяду горюшица смелёшенько,
Я поём да тут обидна веселёшенько,
Устелю да тут пуховы им перинушки,
Уберу я со стола да со дубового;

Тут я сяду под косевчато окошечко;
Успокоится любима вся семеюшка;
Быв великая вода тут разливается,
Под окном сижу—слезами обливаюся.
Тут не сном да коротаю темну ноченьку,
Я победным своим разумом смекаю все:
Как изутра буде по ранному заутрышку,
Разрядят ли на крестьянску на работушку,
В доброумьи ли ветляные нештушки,
Со спокойной станут темной оны ноченьки?
Уж я бедна кручинная головушка,
Быв уналой, как загнуаной серый зайушко,
По мостиночке с утра стану похаживать,
Я на светушков на братицов поглядывать,
Стану спрашивать кручинная головушка:
„Мне куда пойти на крестьянску на работушку?
„На луга ли мне пойти ль да сенокосные?
„На поля ли мне пойти да хлебородные?“
Разрядят да светы-братцы богоданыи,
Как пойду бедна кручинная головушка
Я на трудну на крестьянскую работушку,
Проливаю тут я слезы на сыру землю;
Я правой ногой—горюци заступаю,
Штоб не видели суседи спорядовыи,
Што заплаканы ведь ясны мои очушки,
Што утерто мое бело—это личушко:
Не сказали бы тут братцам богоданыим,
Не шепнули бы ветляныим нештушкам,
Все остудушки в семье не заводили бы,
Они в грех бедну вдову да не вводили бы;
Встричу стритятся суседи спорядовыи,
Я поклон воздам обидна понизешеньку;
Говорю бедна горюша веселешенько:
Не подам виду во добрыи во людюшки,
Што иду бедна горюша при обидушке;
Веселым иду горюша веселешенька;
Не в укор да буде братцам богоданыим
От этых от спорядных суседушок;
Я путем иду с суседмы взвеселяюся,
Светов братицов ведь я да одобряю,
Злых нештушок ведь я да восхваляю;

А што днется в ретливом сердечюшке,
Кабы знали про то людюшки да ведали:
Хоть иду бедна горюша веселёшенька,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смоля моя утроба раскипляется,
Без воды да резвы ножки подмывает.

ПРОСЬБА К УМЕРШЕМУ СОСЕДУ РАССКАЗАТЬ МУЖУ ПРО ЕЕ ЖИЗНЬ

Мне-ка сесть было печальной головушке
Мне ко этому спорядному суседушко;
Да ты слушай, спорядовой мой суседушко,
Да как сойдешь ты на иное живленьице
На второе, на христово как пришествие
Не увидишь ли надежной головушки?
То порбскажи, спорядовой мой суседушко,
Про мое да про несчастное живленьице,
Про мое да сирот малых возрастаньице;
Как во эвтых два учетных долгих годушка
Прискудалась вся сиротна моя жирушка,
Разрешетилось хоромное строеньице,
На слезах стоят стекольчаты околенки,
Скрозь хороминки воронинки летают,
Скрозь тынинка воробьнички надают;
Большака нету по дому—настоятеля,
Ко крестьянской нашей жирушке правителя;
Задернили все распашисты полосушки,
Лесом заросли лугови наши поженки.
Ты порбскажи, спорядной мой суседушко,
Скажи низкое-поклонно челобитьице,
От меня скажи печальной от головушки,
От сиротного от мального от дитятка.
Глупо сделала, кручинная головушка,
Не писала скоронисчатой я грамотки,
Я не клала-то по праву тие рученьку,

Ты бы снес ю на второе на припшествие;
Може, вольняя была бы тебе волюшка
От звтого бладыки от небесного,
Може, с ду-другом суседушки свидались бы,
Вы на стретушку бы шли да ведь сретались,
Ты бы отдал скорописчатую грамотку;
На словах скажи ж, спорядной мой суседушко
Ты про мбе про несчастное живленьицо,
Про бобыльную, сиротску мою жирушку;
У меня да сироты—нонь бесприютной
Золотой казны на грех да не случилось;
Как по моему вдовиному несчастьицу
Были лавочки теперечко не отперты,
Нонь купцов да все во лавках не сгодилося,
Лист-бумаженьки в продаже не явилосся,
Писарев да по домам-то не случилось;
Все по моему несчастному живленьицу
Как у этих писарев да хитромудрых
Отчего у них чернильнички скатилися,
Как чернила по столу да проливалися,
Лебединные пера да притупилися;
Как бессчетная была бы золота казна,
Писаря-то бы меня да не боялися
Написали б скорописчатую грамотку;
Не утай, скажи, спорядной мой суседушко
Моей милоей законной сдержавушке:
Как посла своей надежной головушки
Я по земским избам да находилася,
У судебных-то мест да настоялася.

ПЛАЧ ПО СТАРОСТЕ

Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели, што рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надёжную головушку —
Уж вы старосту-судью да поставленую!

Он не плут был до вас, не лиходеичек,
Соболезновал об обчестве собраном,
Он стоял по вам стеной да городовой
О этих мировых да злых посредников.
Теперь все прошло у вас, миновалось!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как наедет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую,
Не творит да тут исусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает;
Во потай у недоростков он выведыват,
Уж нет ли где корыстного делишечка;
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек, как некрепцоной.
Он затонае ногами о дубовой пол,
Он захлопае руками о кленовой стул,
Он в походню по покоям запохаживае,
Точно вехорь во чистом поле полетывае.
Быдто зверь да во темном лесу порикивае.
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживае;
Говорит ему посредник таково слово:
„Што на ям да вы теперь не собираетесь?
„Неподсудны мировому, знать, посреднику?
„Непокорны вы властям да поставленным?
„Чтобы все были сейчас же на ям согнаны!“
Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у них да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у них да на белой груди;
Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки,
Все для этих властей да страховитных!
Назад староста бежит да не оглядывае,
Под окошечко скоренько постучается,
Он у этих соседей спорядовых,
Штобы справились на ям да суровешенько.
„Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму стоит посредничек,

Горячится он теперь да такову беду;
Сами сходите, крестьяна, признаете.
Со каким да он приехал со известницею;
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Аль цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?“
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинают;
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгорается,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река, посредничек свиреной,
Быдто Ладожско великое, сердитое;
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он сглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
„Вы даете все повольку мужикам-глуцам,
„Как бездельникам ведь вы да потакаете;
„Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
„Да вы подати казенные сполняйте-тко“.
Мужичоночки дробят да все поглядывают:
Ужель морюшко сине да приутихнет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовым столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь, он да все о праведных,
Уже так на мужика стане срыгаться,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае.
Стане староста судью тут уговаривать:
„Не давай спеси во бладую головушку,
„Суровства ты во ретливое сердечушко,
„Да ты чином-то своим не возвышайся-тко, —
„Единый да все у бога люди созданы:
„На крестьян ты с кулаками не наскакивай;
„Знай-сиди да ты за столиком дубовым,
„Удержи да свои белы эты рученьки,

„Не ломай-ко ты перстни свои значенны;
„Не, честь-хвала тебе да молодецкая
„Наступить да на крестьян ведь православных!
„Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
„Хотя ж рьян да ты, посредничек, уходишься;
„Хоть спесив да ты, начальник, приусядешься,
„Окол ноци мужики да поисправятся,
„Наживут да золоту казну бесчетную“.
Сговорит да тут посредник таково слово:
„Да вы счастливы, крестьяна деревенский,
„Што ведь староста у вас да преразумной“.
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
„Мироеды мировы эты посредники,
„Разорители крестьянам православным;
„В темном лесе быдто звери-то съедучии,
„В чистом поле быдто змен-то клеучии,
„Как паедут ведь холодный-голодный,
„Оны рады мужичонка во котле варить,
„Оны рады ведь живого во землю вкопать,
„Оны так-то ведь над има изъезжаются,
„До подошвы оны всех да разоряют.
„Слава богу-то теперь да слава господу!
„Буря-падара теперь да уходилася,
„Сине морюшко теперь да приутихло;
„Нонь уехала судья неправосудная,
„Укатилася съедуба мироедна!
„Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
„Ноньку с радости теперь да со весельца;
„Настоялися ведь мы да надрожалися“...

.....
Тут мы думали с надежной головушкой,
Как пропитывать сердечных малых детушек:
Накопилася станичущка детская.
Говорила я надежной головушке:
Да ты съезди-ко на малой этой лодочке,
Хоть во город-то ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этых хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек.

Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовой ямской дороженьке,
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые;
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засняло тут седлышко черкасское,
С копыт пыль стоит во чистом поле:
Точно черной быдто ворон приналетывает,
Мировой этот посредник так наезживал.
Деревенскии робята испугались,
Но своим домам оны да разбежались;
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь во темном лесу:
Я с работушки победна убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася,
Да куда ж мою надежу одевают?
Я спросила у спорядовых суседушек,
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Штобы я бедна горюша не спугалася.
На спокой да легли добры эти людюшки,
Ужо я бедна в путь-дорожку отпралялася,
Чтоб проведать про надёжную головушку:
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, рабочу пору-времечко
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три сажил господних божии денечка,
На четыре он на летных эти ноченьки,
Отлучился что без спросу на неделюшку.
Тошно плакали сердечны мои детушки.
Не могла стерпеть победная головушка,
Я глядеть да на детины горющи слезы;
Я склонилася в тяжелую постелюшку
Из-за этого злодея супостатого,
Што обидел нас победных головушек,
Присрамил да он при обчестве собраном;
Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася...
Ворочался как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенье сустигало,
На пути злодий-смеретушка стретала...

Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Вы падите-тко горюци мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже, господи,
Штобы тлен пришел на цветно его платьеце,
Как безумьце во будіну бы головушку!
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!

II

ПЛАЧИ СЕСТРЫ

I

Уже стать на этой горе на дороженьки,
Мне-ка стать, бедной горюше, придуматься,
Доспроситься у соседей, удоветаться:
„Вы скажите спорядовыи суседушки;
„Что днется на родимой моей родине,
„У моих да у пристарших у рсдителей;
„Все во добром ли они да во здоровьце,
„Во великом ли оны благополучьи,
„Есь ли в живности сердечно у них дитятко,
„Моя милая скачоная жемчужинка,
„Светушко братец-родимой?
Подходить стала к крылечику перёному,
Подломились у мня резвыи тут ноженьки,
Приуряхнулось ретливое сердечушко,
Я взглянула на хоромное строеньицо:
Приуныв стоит строеньицо пустылое;
Отдали стоит палата белокаменна,
Облиз стоит тюрьма да заключевная,

Заключевная тюрьма да подземельная;
Когда преж сего, да этой поры времечка,
Я ходила на родину свою родинку,
Ко желанным ли родителям,
Ко светушку ли братцу я родимому;
На крылечушке светик-братец стретает,
Он уж доброго коня да расседлает,
На конюшню он во стойлу убирает,
И бело-яровой пшениы он насыпает;
А сегодняшним господним божьим дёнечком
Ко крылечку я приехала перёному,
Не стретает меня братец—красно солнышко;
Уж пройти мне во хоромное строеньице
Мне крест да класть, горюше, по-писаьому,
Мне поклон вести, победной, по-ученому,
Поклон первой—пресвятой да богородице,
Другой поклон—суседям спорядовым,
В собину поклон братцу—красну солнышку;
Воскликать да тут братца мне родимого,
Взвеличать да соколочка златокрылого,
Супротив сердца ретливого;
Може, я бедна горюша, поталаннее,
Може, братец до меня да пожеланнее:
„Уж ты стань-восстань, скачоная жемчужинка,
„Со этой со брусовой белой лавочки,
„Стань на резвы свои да ты на ноженьки,
„Отшиби от сердца белы свои рученьки,
„Уж ты здий со мной доброе здоровьице,
„Ты по-старому, мой светушко, по-прежнему;
„Когда преж сего до этой поры-времечка,
„Было вложено великое желаньице
„До моей бедной головушки;
„Встретал ты на крылечике перёном,
„Провожал меня во светлу нову горенку,
„Ты садил меня на стульице кленовое,
„Почитал меня за гостыицу любимую;
„Как сегодняшним господним, божьим дёнечком,
„Не встаешь ты со брусовой, белой лавочки,
„Не сшибаешь ты от сердца белы рученьки,
„Ты не здиешь со мной доброго здоровьица,
„Не спрөгворишь единого словечушка;

„Чем разгневала я светунка родимого?
„Что я почаству к тебе, знать, не ходила,
„Что при трудной я постеле не смотрела?
„Не началась, я победна, не надялась,
„Что разлучит господь с братцем со родимым;
„Можешь знать-даведать, вольной белой светушко,
„Ты про мѡе про несчастное живленьице,
„Мне-ка не своя вольна столько волюшка;
„Как на этой судимой на сторонушке,
„Строги-грозны богоданные родители;
„Мне день прошел—у бедпушки—даваючись,
„Другой день прошел да слова дожидаячись,
„Третий день прошел—на родину справляючись,
„Можешь знать даведать, вольной белой светушко,
„Что ведь дальная судимая сторонушка,
„Удалила как родима моя родинка;
„Я за горами ведь е да за толкучима.
„Я за темныма лесами за дремучима,
„Я за этыма быстрыми за реченькам,
„За крутыма, малыми озерышкам,
„За славным, синим за Онегушком,
„С того не почаству на родинку учащивай;
„Студеной зимой живет-бездороженьице,
„Занесет путь широкую дороженьку,
„Снежочкама ее да ведь перпстыми;
„Не заходят к нам добры людюшки,
„Серый зайушко туды не проскакиват,
„Малая птица не залетыват,
„Извозчички к нам не заезживают,
„Перехожие калики не прохаживают,
„От вас грамотки к нам не принашивали;
„Как весной живет великое распутице,
„Разольются круглы, малые озерышки,
„Из-за гор да прѡйдут быстры эты реченьки;
„Мне нельзя бедной горющице пронятися,
„На родимую сторонку передатися;
„У озер нет перегребных малых лодочек,
„Через реченьку дубовой нет мостиночки;
„Как розольется сине, славное Онегушко,
„Хоть во ту пору есть вольна мне-ка волюшка,
„Через морюшко мне нет тогда попутчиков,

„Чрез Онегушко нет легких перевозчиков;
„Приберу хоть я, победная, попутчиков.
„Чрез Онегушко уж я да перевозчиков;
„Тут поеду на родиму свою родинку,
„Хоть повыедем на синее Онегушко,
„Призавиют столько буйны эты ветрушки,
„Стане буря на море подниматися,
„Малогребна стане лодочка шататися.
„От ветра паруса да обрываются,
„Дубовые веселышки ломаются,
„Тут нас бросит в острова да незнакомые,
„Во эты берега да не в бывалые,
„Во пути пройде уречна вся неделюшка,
„С того подолгу, горюшица, справляюся;
„Нуньку выбрала досужу пору-времечко,
„Я слободную гостиную неделюшку,
„На свою да на родиму я на родинку;
„Меня родинка теперь да не сжидает,
„Светушко-братец меня да не сретает;
„Ой, скажи мне-ка, братец—красно солнышко,
„Не убойся многих добрых столько людунек:
„Ты куды, мой белый светушко, сряжаешься,
„Ты в котору путь-дорожку отправляешься,
„Ты во славной ли во город Петербурской,
„Аль в охотну во бурлацкую работунку,
„Аль к купцам да ты во лавочку приказчицом;
„Во чужую да ты сторону бросаешься,
„Что не по уму тебе да не по разуму?
„Про тебя было, сердечно мило дитятко,
„Кажись, ествунка по разуму составлена,
„Цветно платье по уму было покуплено,
„Во прягу была ступистая лошадушка,
„Тебе издить ко бладычным, божьим праздничкам,
„И дана была слободна пора-времечко—
„По тихим смиренным по беседушкам;
„Тебя знали многи добры столько людунки,
„Приглашали во бурлаки во молодые;
„Не гнушались тобой красные ведь девушки,
„Тебя брали во кружки да хоботистые¹⁾;

---

1) В хоровах.

„Не утай, скажи, желанно наше дитяtko,
„Для чего же ты от нас да удаляешься,
„Покидаешь да ты родителей желанных,
„Среди грозы несчастных на погибель,
„Ты на луде покидаешь на подводной;
„Ой, тошным да мне тошнешенько;
„Мою зяблую угробу разрывает“.
Как не слышит меня братец—красно солнышко;
Не спроговорит единого словечушка;
Как булат этим железом груди скованы,
В роде оловом уста его призалиты;
Знаю-ведаю, печальная головушка,
Укрывается мижонно мое солнышко,
За горушки, мой светушко, толкучие,
За облачка, мой свет, да за ходячие,
За часты звезды да подвосточные.
Укатается скачоная жемчужинка,
На иное безвестное живленьцо,
Во матушку, мой свет, во сыру землю.

2

**ПРИЧТАНИЕ СЕСТРЫ, ОБРАЩЕННОЕ
К НЕВЕСТКЕ**

Ты послушай-ко, сестрица—свет родимая,
Ты скажи мне-ка, горющице, пожалуста—
Про свою скажи надежную головушку,
Мне про светушка ты братца про родимого,
Как лежал он во тяжелом неможевице,
Ты сидела ли, победная, близешенько,
Припадалала к ретливому сердечушку,
Приласкалась ли ко белу его личушку,
Ты ко этим устам ко сахарным?
Ты спросила ли любимую семеюшку
Тебе как жить, горюше, воспитатися,

Сирот малых детей да возрастить буде,
Да им в ком искать великое желанье,
В ком прелестные им ласковы словечушка?
Аль во ту нору, сестрица,—в это времечко,
Делами ты, печальна, занималась,
Со крестьянами, обидна, угощалась?...
Попеняю скрозь обиду уныльнешенько,
Я тебе да, свет-сестрица—моя милая,
При пражних спорядовых суседушках,
Я при всем роду, горюша, при всем племени,
Когда был он при болезной постелюшке,
Ко мне весточку, сестрица, не послала,
Письма, грамотки, родима, не писала;
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Про велико, его бы неможеньице,
Я бы наняла спорядную суседушку,
На эту на уречную педелюшку,
Ю оставила б большухой подомовой,
Единёшенька сама бы приотправилась,
На свою да на родиму я сторонушку;
Во темных лесах зверей я не боялась бы,
В темной роце волков серых не страшилась бы,
Тут скорешенько бы в дорожку сторонила,
Мне застать бы светушка братца родимого,
Пока в живности скачонная жемчужинка
При смертной, злодиейной смертушке,
Поглядела бы во бело его личушко,
Посмотрела бы во ясны ему очушки,
Сговорила бы хоть малое словечушко,
Я на память то со братцем со родимым;
Хоть сходилась бы тоска неугасимая,
Я бы в том, бедна горюша, не терзалась,
Что я светушка-братца не видала;
Я списала бы пером да лицо белое,
Я списала бы буйную головушку,
Столько на эту гербову на бумаженьку,
Я бы взяла тот патрет—эту бумаженьку,
К себе клала бы под правую под пазушку,
Прижимала бы к ретливому сердечушку,
Прилагала бы ко блеклому ко личушку,
Я снесла бы на судимую сторонушку,

Положила бы во светлой я во свѣтлице,
Я на стѣнушку, победна, на лицевую,
Я на стопочку победнушка, точеную,
Я ходила бы, победна, любовалася,
Я смотрела бы, несчастна, красовалася,
Как на светушка на брата бы родимого.

III

ПРИЧИТАНИЕ ТЕТКИ

Отворись-ко дверь да ты дубовая,
Ты по пятничкам теперь да по железным,
Ты по петелкам теперь да по булатным,
Ты по этому порогу грановитому;
Не от ветрышка теперь да не от севера,
Потихоньку на пята дверь отворялася,
Только мне моя сестрица не встречается.
Порастроньтись-ка, народ да люди добрые,
Дайте мистечка теперь мне-не сомножечко,
Не конем пройти, горюшнице, проехать,
Не орлом птицей мне-ка пролететь;
Единой пройти, печальной мне головушке,
Со одну дайте дубовую мостиночку;
Вы не гнитесь-ко мостиночки дубовые,
Не ломитесь, перекладинки кленовые,
Я тонка иду, горюша, как тесёмочка,
Зелена иду, победна, как травиночка;
Мне пройти, бедной горюше, во большой угол,
Мне крест да класть, горюше, по-писаному,
Мне поклон вести, горюше, по-ученому,
На все на три-четыре на сторонушки,
Всем спорядным суседушкам,
В собинѹ воздать любимой, милой сватьюшке;
Мне как стать, бедной горюше, доложитися,
Не возбранно ли, любима моя сватьюшка,
Попустить мне невзычен голос?

Хоть не складно, у горюши, причитаньице,
Но для чести у меня, не для похвалы—
Со великой со обидушки,
По своей милой племянничке,
Что на резвы она ножки не ставае,
На пути да на дорожке не стретае,
Со мной тайного словечка не забает.
Я гляжу, смотрю, печальная головушка,
Я на свбего любимого племянничка;
Приуныв сидит, удалый добрый молодец,
Что задумался, крылатый ты ясён сокол?
Принаклонена-то буйная головушка,
Утоплены очи во сыру землю,
Рутит слезушки он—на дубовый пол;
Разлучил господь с семеюшкой любимой;
Поосталось сердечно это дитятко,
На великую ему да на заботушку.
Дума думушку бурлака пошибает,
Ум за разум у дородня забегает,
Как-то жить да без любимой семеюшки:
Надо рбстить то сердечно мало дитятко;
Кто носить будет на белых его рученьках,
Кто истопит теплы, парны эти баенки,
Кто умоет его бело это личушко,
Кто учешет его бладую головушку,
Кто справлять да тонки белые рубашеньки,
Устилать буде пухову кто перинушку?
Без своей да ты семеюшки любимой,
С кем-то думать будешь крепку эту думушку?
Кто сжалуется до бедного до дитятка?
Буде спацьлива, желанна эта бабушка?
Аль сжалуются спацьливы родны дядюшки?
Да ты слушай же, родимый наш племянничек:
Была умная семья твоя любимая,
Обходимая со добрыма со людюшкам,
Как уцьлива со породой именитой;
Была на слово она да не спесивая,
На речах была она да не бросливая;
Остудушки в семье не возводила,
Безответна была белая лебедушка;
Почитала богоданных родителей,

Воскликала богоданну свою матушку;
Пройде бранное словечко несговорное,
Хоть у вас там во семеюшке любимой,
Со милыма ветляныма вешуточкам,
Стане по избы голубушка похаживать,
Всем тут ласковы словечка проговаривать:
„Не грубите, светы братцы богоданные,
„Не спесивься, богоданна моя матушка;
„Вы меж ду-другом желанны не сердитесь-ко,
„Не узнали того добрые бы людюшки,
„Что содом есть во любимой семеюшке“.
Как на уличке ходила хорошононько,
Говорила тут с суседны веселёшенько.
Не в проно́с было суседям спорядовым,
Не в рассказ да было сродчам-милым сродникам;
Что ведь здор живет в семеюшке любимой
Еще слушай же, родимой наш племянничек!
После милой-то жены-семьи,
Много ума надо разума в головушке,
Да как растить-то сердечно мало дитятко;
Спотешать надо на белых его рученьках,
Наб воспитывать его да во белой груди.
Тут сгруснешься ты, удалая головушка,
Спомянуешь ты жену-семью любимую,
Принесешь покор родителям желанным,
Своим милым сестричушкам родимым,
Спотешали бы сердечно мало дитятко,
Беспокоились по темным бы по ноченькам,
За этыма качелям за маетныма,
За этым дитём да беспокойным,
Уважать надо сестрицам-то родимым,
Наб сулить да им любимые подарочки,
Покупать да наб жемчужные подвосточки,
Ко белой груди платочки левантеровы,
На белу руку колечка бриллиантовы,
По стану да сарафаны раструбистые,
Им по плечушкам собольи-куньи шубоньки,
На резвы ноги—башмачики козловые,
По башмачакам—чулочки бумажные,
По белу лицу—мылья Вытегорские,
Чтоб сплахнулись сестричушки родимые,

Ублажали бы болезно мало дитятко,
Хоть не долго-то пройдет да поры-времечка,
Пройдет шесть этих неделюшек учетных,
После милой семеюшки любимой,
Ты просить будешь прощенья с благословленьцом
У своих светов родителей:

„Благословите-тко, желанные родители,
„В другой раз да мне в закон то поступитися,
„Хоть великого греха да залучить;
„Мне нельзя жить без жены семьи любимые,
„Буду ровнюшку жену да прибирать себе,
„Я из красных жену да себе девушек“.
Станут девушки тобой да все гнушаться,
Говорить станут белые лебедушки
Своим оны родителям:

„Не невольте нас, желанные родители,
„Во неволюшку, на чужу на сторонущу,
„Во заботу за блада сына отецкого;
„Нам не по уму остуда-чужа стброна,
„Не по совести остудней блад—степской сын,
„Удовщицо ведь жених да посиделищю,
„Е сердечное рожоно у них дитятко;
„Я не матушкой буду—лихой мачехой“.
Ты послушай же любимой наш племянничек:
Приберешь же хотя любимую семеюшку.
Ты денну себе крепку эту думушку,
Темной ноченькой себе да разговорщичку;
Хотя ж будет тут великое желаньице,
До жены да до семьи своей любимой,
Поозабудешь ты сердечно это дитятко;
Сурово стане ведь мачеха похаживать,
Она грубо стане на дитя поглядывать,
Все не ласково она да разговаривать;
Не зачесет она буйнуей головушки,
Не возьмет его на белы к себе рученьки,
Не прижмет его ко ретливому сердечушку;
Она дитятка в утробе не носила,
Трудно-тяжело его не спородила,
Белой грудью дитё да не кормила;
Каково тепло от буйного от сивера;
Таково добро от лихой живе мачехи.

Возрастет да как сердечно мало дитятко,
Без ролителя оно да ведь без матушки,
На спацьливых стане дяденек поглядывать,
Словно белочка в ясны очи посматривать,
Скрозь обидушку да их стане выспрашивать:
„Ой, скажите вы, спацьливы родны дяденьки,
„Уже где мое великое желаньце,
„Уже где да е спацьлива моя матушка?
„Как от бладоности во радости не бывано,
„(От рожденница веселых дней не видано,
„Красно солнышко меня не пропекае,
„Я не убрано, позябло хожу, дитятко,
„Я исусовой молитвы не слыхаю.“
Отрекнулся мой родитель-родный батюшка,
Как прибрал себе любимую семеюшку,
Все туды пошло великое желаньце,
Навязалася злодийка, лиха мачеха;
Ейны дети быдто сыр в масле катаются,
Опришенной я как варом обливаюся;
Ейны детушки гостинцем уласкаются.
Я ж обидной колотушкой угошаюся;
Как играют ейны детушки, кидаются,
Я быв птнченька в темном лесе пугаюся;
Ейны детушки на уличке смиренные,
Я ж дитё всегда не постатейное.

IV

ПРИЧИТАНИЯ МАТЕРИ

I

ПО ДОЧЕРИ-ДЕВУШКЕ

Как сегодным, долгим годышком,
Перед этой злой обидушкой
Унывало все ретливое сердечушко,
У меня, да у позяблой бедной матушки;

Говорила мне-ка белая лебедушка:

„Я не знаю же, родитель-мой мижонной день,

„Что болят да крепко резвы мои ноженьки,

„Что устали нонь девочки, мои рученьки,

„Изменился белый свет да со ясных очей;

„Хоть дождусь-то я темной этой ноченьки,

„Хоть я лягу на тесовую кроваточку,

„Все болит да моя буйная головушка;

„Ты будить придешь, родитель жалосливая,

„Кое-как да на постели я размаюся;

„Погляжу тут во косовчато окошечко;

„Виют ветрышки на широккой на уличке,

„Погодушка стоит во чистом поле“.

Я не знала, бедна мать, горька-детиная,

Что разлукушка с сердечным будет дитятком:

Было совестно сказать да во добры люди,

Что грузна, больна белая лебедушка:

Тут по моему великому несчастью,

Вдруг склонило ю тяжело неможеньице,

Сустигала злодей-скорая смеретушка;

Я сидела тут по темным у ней ноченькам,

Провожала с ней господни белы денечки,

Я забросила крестьянскую работушку,

Прозабыла всю любимую скотинушку,

Поднимала от пуховой ю перинушки,

Я держала ю на белых своих рученьках;

Говорить да стала белая лебедушка:

„Не могу сидеть, родитель жалосливая,

„Не глядят да ясны очушки на белой свет.

„Я трудным да нонь, лебедушка, труднешенька“.

Приносить стану тут ествушки сахарные,

Стану подчивать сердечно свое дитятко:

„Чего хочешь, моя белая лебедушка,

„По уму сложу те нитьица медвяные“.

Говорить стане сердечно, мило дитятко:

„Не смейся, моя родитель жалосливая,

„Не ходи да ты во лавочки торговые,

„Не бери ты мне-ка сладкого еденьица,

„Ты не тронь, мое желанье, золотой казны,

„Не тревожь ты добрых многих этих людюшек,

„Не труди меня при трудной постелюшке“.

Уж день за день, как река течет;
Приходить стала разливня красна вёснушка.
Стало синее Онего разливаться,
Мое дитятко от нас да удалятися;
Быв, как дождички уходят во сыру землю,
Как снежечки быдто тают кругом на-окол огней..
В роде солнышко за облачко теряется,
Так же дитятко от нас да укрывается;
Как светел месяц по утру закатается,
Как часта звезда стерялась поднебесная.
Улетела моя белая лебедушка
На иное безвестное живленьице!
Вы любили наливную мою ягодку,
Почитали мою белую лебедушку,
Почасту брали в любимое гостибище;
По этой студенной холодной зиме,
Да вы пошлите крылата ясна сокола,
На этой ступиштой вы лошадушке,
На дубовых вы санках самокатных;
Она гостыицей бывала двунедельной,
Почасту была беседницею воскресной,
Как приедет со любимого гостибища,
Все хвалилося сердечно мое дидятко:
Было местечко во светлой, скаже, светлице,
Мне почёт то был, скаже, во большом углу;
Вы на улице голубоньку стретали,
Через два поля вы гостью провожали;
По уму ей были кушанья снаряжены,
По устам ей были питьица составлены,
По рукам ей красна ложечка положена.
Теперь все прошло, миновалось,
С родом, с племенем она порассталася,
С отцем, с матушкой распростилася,
Нонь далече от породы отшатилася,
Не приеде к вам белая лебедушка
На гостиную уречную неделюшку,
Еще слушай же, порода именитая.
Попеняю вам, любимы милы сроднички;
Столько гневалось сердечно мое дидятко,
Как лежало при болезнющей постелюшке;
Не пришли вы к ней, белой лебедушке

Засмотреть да вы при крутом ю зголовице;
Знать, боялись вы тяжела неможеньица,
Устрашились, видн, скорой вы смеретушки?
От суда божья, род, да мы не денемся,
От смеретушки ведь нам да не убежать;
Знать, что не-весто вам было не вестимо
Про ейно тяжело неможеньица?
Памятила моя белая лебедушка,
Сожидала крепко милых она дяденек;
Хоть я писемок, горяша, не писала,
Пословечно да я людям наказала,
Что трудна очень белая лебедушка,
Тяжела она при скорой смеретушке.
Не посмели вы, спацьливы, притти, дяденьки,
Подоброумить мою белую лебедушку;
Шго вы подолгу теперь снаряжаетесь,
Што вы потиху ко мне сподобляетесь?
Недосужна, знать, пора было времечко?
Аль умножила крестьянска вас работушка?
Кажись, порушка теперь не рабочая,
Времечко, кажись, не сенокосное;
Аль умножила станица малых детушек,
Что вам не было слободной поры времечка
К нам притти о бладычном божьем праздничке?
Чем разгневала вас белая лебедушка?
Знать, дубовые полы да притоптала?
Скамеечки кленовы присидела?
Хрустальны она стекла приглядела?
Знать, добрых она коней притомила?
Ваших детушек она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши санки прикатала?
Цветно платьеце у вас да приносила?
Поразгневалась белая лебедушка
На вас она, спацьливых своих дяденек,
Сожидаючи, родима, засмотреньица;
Была в живности белая лебедушка,
Говорила мне печальной головушке:
„Засмотрели б как спацьливы меня дяденьки,
Принесли бы они доброго здоровьица,
Я поправилась с болезной бы постелюшки,
Я бы стала со тяжела неможеньица,

От этого я складного зголовица“.
Да вы слушайте-тко, род-племя любимое!
После моего сердечного как дидятка,
На вашей прогульной славной уличке
Владычной господень буде праздничек,
Вам гульбищечко будет со прокладбищем,
Гулянице буде со весельцем,
Приберутся души красны девицы,
Ейны милые сестрицы сдвуродимые.
Тайны, милые, советны, дружны подружки,
Оны к вам во любимое гостибище,
Станут шуточки лебедушки шутить,
Всяки разны будут игры приставлять,
Тут вспомните сердечно мое дидятко
Вы при милых, советных, ейных подружках;
Была первая любимая затейщица
На все разные игры на забавные;
Взвеселяла вас, спацьливых родных дяденек,
Спотешала все сердечных ваших детушек.

2

ПО СЫНЕ

Дай волюте-тко, народ, вы люди добрыи,
Вси брйближние спорядные суседушки,
Мои милые вы сродчи—столько сроднички,
Не держите-тко под белы меня рученьки,
Не жалеите вы победную головушку!
У мя личушко пристаршее-сиротское,
Текут слезы, у горюши,—холодна вола;
Хоть волосушки падают седые, надломлены;
Кабы знали про то, светушки, бы ведали,
Про мою жалость велику бы утробную;
Жаль тошнешенько сердечного мне дитятка;
Во сыру землю рождчнье укрывається!
Во глубок погреб рождчнье опускається!
За горы нонь воспитанье отлетает!
Потеряла нонь талан да всю я участь,

Ой, вы слушайте-тко добры столько людюшки,
 Не умильно хоть не складно причитаньице,
 Не унылой у мя жалкой этот голосок;
 После своего сердечного нонь дитятка,
 Мне в опорченках, победной, находится,
 Буде по миру, горющице, набродитися;
 Мне по чанчанкам нуженкой наскрипитися,
 По подоконью, победной, настоятися,
 Меж дворами мне, обидной, столыпнатися,
 Мне ходить буде каликой перехожей..
 Ой, тошным да мне, победнушке, тошнёненько,
 Буде совестно мне этих людей добрых;
 Вы не сгруснитесь, спорядные суседушки,
 На победную старушку, стародревнюю,
 Не огрубьте меня грубым словечушком,
 Не началась я, горюшна, не надиялась,
 Что возрошу себе мило это дидятко.
 Тут возрбстила, победна, взрадовалася;
 Был старатель-то крестьянской он ведь жирушки,
 Он заботной на крестьянскую работушку,
 Он снацьливой до сердечных был родителей
 Нарекал всегда великим желаньицем;
 Как ходили по крестьянской по работушке—
 Мы за шуточки работу работали,
 За веселье день по вечер коротали;
 Пройдет день да тут у нас невидаючи,
 Поскорёненьку работа сработается;
 Он спевал да звон-унылы жалки песенки,
 Спотенал да молодецку свою молодость;
 Доброумились победны мы головушки,
 Как орел да быдто в саде воспеваает,
 Как соловьюшко во зеленом возжупляет,
 Дивовались все ведь добры эти людюшки..
 Ой, тошным да мне, победной, тошнёненько,
 Уж как этим нонько малым обнощицем,
 Не могла-то я горющица докликаться,
 Я по утрышку словечка допытатися,
 У своего да я у роженного у дитятка;
 Не дай господи на сем да на белом свету,—

Столько не в пору расстаться не во времечко,
Лучше мне пришла бы скорая смеретушка.
Все мы думали, печальные головушки:
Приобжем по студеной холодной зиме,
Приберем ему любимую семеюшку,
Мы по разуму с супругу—молоду жену,
Ему ровню-то из красных из девушек;
Видно, думушки теперичко несчастные,
Мои мысли, у горюши, не таланные
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Что не долгой-то уписан ему векушко,
Я бы малого ведь в люльке закачала бы,
В парной баенке бладенца захвостала бы;
Уж так-то мне, победной, тошнешенько,
Расставаться с возвращенным милым дитятком!
Мне-ка сесть было, бедной горегорькой-матери,
На хорошую брусчатую лавочку—
К тебе, мое рожденье сердечное!
Наглядитесь мои несчастные,
Слезливые очи ясные!
Да списать было мне—персонь молодецкая,
Списать скорые резвые ноженьки,
Белые—бумажные рученьки,
Твое бело-румяное личико,
У хорошей у яблони кудреватые;
Как у яблони коренье булатное,
Так твой-то скорые ноженьки;
Как у яблони сучки-ветки до сырой земли,
Так твои белые бумажные рученьки;
На яблони листочки камчатые,
Как твое хорошо скруто платье—цветное,
На яблони цветики лазуревы,
Как твое бело румяно личико
Вершинки на яблони сухо-красного золота,
Как твои молодецкие волосы;
Не много этой поры времечка,
Все прошло у тебя—миновалось,
Вся гульба, красота молодецкая;
Как у тебя яблонь-верба кудреватая,
Нынь посохло коренье булатное,
—Подломлись твои скорые резвые ноженьки;

У тебя, яблонь-верба кудреватая,
Повисли пруточки висучие,
—Опали твои белые бумажные рученьки;
На тебе, яблонь-верба кудреватая,
Появили цветочки лазуревы,
—Твое бело румяное личико;
С тебя, яблонь-верба кудреватая,
Сопали листочки камчатые,
—Скинут с тебя дорого платье-цветное,
Со твоих со могучих со плечиков;
С тебя, яблонь-верба кудреватая,
Посыпалось сухо-красное золото,
—Опали молодецкие волосы
Со твоей бладой, буйной головушки.

4

Нонь повыйду на крылечико переное,
Где делают колоду белодубову,
Где ладят кресты животворящие;
На доспрос возьму я плотничков-работничков:
Ай же, плотнички, работнички,
Кто задал вам золоту казну бесчётную,
Что вы деете холодную хорсмину—не мшоную;
Не обнесены брусовы белы лавочки,
Не прорублены косевчаты окóшечка,
Не врезаны стекольчаты околенки,
Не складена печенька муравленая,
Не устлана перинушка пуховая,
Не собраны утехи все с забавушкой;
Ой, вы добрые суседи спорядовые,
Не зорите тепловито наше гнездышко,
Не тащите вы колоды белодубовой,
Не пугайте вы несчастных нас родителей;
Уж мы клубышком победные катаемся,
Уж мы червышком несчастные свиваемся,
С одинокиим дитём да расставаемся.

5

Не прогневайте-тось, род-племя любимое,
На пристаршую, победную головушку!

У меня ествушки теперь да не по-старому,
Угощенье у меня да не попрержнему;
Со этой обидушки злодийной
Без ума хожу победна нонь, без разуму;
Пожалейте-тко, род племя любимое,
Пожалейте-тко вы мать да бездетиную!

6

Повзыскать пойду сердечно свое дитятко,
По всему пойду хоромному строеньицу;
Обойду да по селу я деревенскому,
Поспрошу я у любимых поровечников:
Дитё да не сидит ли на беседушке,
Он у точеных у цялушек,
Подле красных тых девушек,
Он не шутит ли с ними, сидя, шуточек?
Не могу найти, печальная головушка,
Пойду с горюшка во чистое во полюшко:
Он не ходит ли в раздолье, во чистом поле,
Не гулят ли он, свет, в зеленом саду?
Не могу прибрать, печальная головушка;
Я с тоски пойду ко быстрой этой реченьке:
Он не ходит ли по крутому по бережку,
Не стрелят ли водоплавных, серых утушек
Со этого оружия за рукавняго?
Не могу найти печальная головушка;
С горя кинуся ко синему Онегушку—
Ко пристаням кинусь корабельным,
Обойду да я по крутому по бережку;
Как не ездит ли рожено мое дитятко—
На славном синем морюшке—
Не лозит ли уловной свежей рыбоньки
Этым неводом шелковым?
Ловцы ездят на Онеге незнакомые,
Молодцы да столько ездят с другой волости;
Не могла найти печальная головушка
Не у быстрой найти да сго реченьки,
Не на славном, синем на Онегушке;
Кабы крылышки, горюше, мне гусиные,
Да другие, горюше, лебединые,
Я бы поднялась, горюша, на сизо крыло,

Выше горюшек, горюша, бы высокиих,
Выше темных бы лесушек дремучиих,
Вровень с облачком, горюша, бы ходячим,
Облетела бы, горюша, подселенну всю,
Я во первое бы Поле во Лодейное,
Во другой славной город Петербургской бы,
Я во матушку слетала бы во большу Москву,
Повзыскала бы сердечно свое дитятко —
Во лакеях повзыскала, у господ бы я,
Иль во кучерах его да у священников;
Не нашла бы тут сердечного я дитятка;
Обошла бы по казармам я казенным,
Повзыскала б по солдатам новобраным,
По мастерским бы я искала по столярным;
Куды-хоть брошусь победная головунка,
Не найти столько роженного мне дитятка;
Мне-ка во веки победной не видать буде,
Мне-ка на слыхе победной не слышать буде;
Хоть отпущено рожено у мня дитятко,
Хоть не в дальнюю дорожку безызвестную,
Не в лесные перелески мутарсливые,
Во матушку да во сыру землю,
Во погреба да он во глубокие,
Теперь все прошло, миновалось,
Я на веки с дитём да порассталась;
Не к кому, горюше, приютиться,
Не к кому, победной, пришатиться;
К роду мне, горюнице, ко племени?
Аль к сердечным-любимым племянничкам?
От чужих людей недовольны эти хлебушки,
От племянят не велика приберегушка,
Только на сердце великая зазнобушка;
Лучше жить буду победная головунка,
Во своем я во строевице унылом,
На печальной кирпичной своей печеньке;
Може, сдобрится род-племя любимое,
Сжалуются сродни мои сроднички,
До меня горюши, бесприютной;
Може, засмотрят победную головунку
О светлом христовом воскресеньице,
Аль бладычем божьем праздничке;

Хоть вы цветно его платье разберите-тко-сь
Меж ду-другом, порода, разделите-тко,
Сироту меня посменно засмотрите-тко!

---

v

ПРИЧИТАНИЕ ДОЧЕРИ НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

1

Порастроньтесь, люди добрыи!
Припаду я ко могилушке,
Я послушаю, несчастная,
Нонь не стонет ли сыра земля,
Не воичит ли моя матушка,
Не жалнет ли обидушки;
Ой, не стонет мать-сыра земля,
Не воичит моя родитель жалосливая!
С гор катитесь, ручьи вешнии,
Вы размойте пески желтыи,
Поднимите гробову доску,
Вы откройте полотенечка;
Дайте раз взглянуть горющице,
На родитель мою, матушку!
Ой, не льются ручьи вешнии,
Не размоют песков желтых,
Не покажут моей матушки!
Возбушуйте, ветры буйнии,
Со всех ли четырех сторон,
Понеситесь вы к божьей церкви,
Размечите вы сыру землю,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите мою матушку.
Не бушуют-то ветры с четырех сторон,
Не ударят оны в большой колокол,
Не разбудят моей матушки.
Знать, не выстать синю камешку с синя моря,
Не бывать в живых родитель—моей матушке.

Ох, тошным да мне тошнешенько!
Пройдет зимушка холодная,
Вот наступит весна красная,
Потекут да речки быстрые,
Зацветут в рощах деревьица,
Запогуркивают голуби,
Запосвистывают соловьюшко,—
У меня ж, бедной горющицы,
Не сойдет с сердца кручинушка,
Не убавится обидушка.
Распекё да красно солнышко
Среди да лета теплого,
Не согреет сиротинушки,
Лишь притеплит меня, беднушку,
Зеленая дубравушка
На могиле моей матушки!

VI

ПЛАЧ ПО УБИТОМ ГРОМОМ-МОЛНИЕЙ

Как по этой по разливной красной веснушке,
На троицкой то было на неделюшке,
Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали пахари на поле объявлятися;
Тут повыехал спорядный наш суседушко,
Он в раздольице повыехал в чисто поле,
На эты на распашисты полосунки.
С утра жалобно ведь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на уличке;
На часú вдруг тут е да объявилося,
Стало солнышко за облака тулятися,
Наставала туча темна — неспособная,
Со громом да эта туча со толкучиим,
Вдруг со молвией-то тученька свистучей,
Со этым огнем да она плящиим;
На горы шла туча на высокие,
Горы с этой тучи порастрескались,

Мелки камышки со страсти покатилися;
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучиим,
Леса к зени с этой тучи приклонилися,
По корешку они все приломалися;
Уже так да шла грозна эта тученька,
В темном лесе дики звери убоялися,
По своим местам звери убиралися;
Становилась туча темна на сине море,
Сине море со дна все расходилося,
Страшно-ужасно тут море расшумелося;
С луды камни оно тут вырывало,
Волной на берег оно да их бросало;
В синем море белы рыбы убоялися,
По своим станам рыбы разметалися;
По селам пошла туча деревенским,
Знать, деревнями-то туча разгремелася,
Мать-сыра земля со грому надрожалася;
С тучи добрыи дома да пошатились;
Со чиста поля крестьяна убирались,
Во своих домах оны да сохранялись;
На чисто поле тут туча своротилася,
Страшно-ужасно тут туча разгромелася,
Очень плящии огни да разгорелися;
Все ведь думал-то спорядной наш суседушко,
Тороком да пройде темна эта тученька;
Становился под кудряву деревиночку ...
Стрела божья тут вдруг да разлетелася,
Не на воду, ведь, стрелушка, не наземлю,
Не на зверя в темном лесушке съедучего,—
Она пала на суседа спорядового,
Изорвала все ретливое сердечушко.
Заразил-побил Илья-свет преподобной
Да он славного крестьянина могучего.
Туча темная зараз же уходилася,
Стрела-молвия зараз же приукрылася,
Вдруг пороспекло тут красно это солнышко...
Как схватилася спорядная суседушка
За свою она надежную головушку:
Где от тучи, от молвии сохраняется,
Под какой да деревиночкой спасается,

Под малым ли ракитовым под кустышком,
Аль сидит он на катучем белом камышке:
Тут, ведь, бросилась спорядная суседушка,
По селу она пошла да деревенскому,
Тут в раздольнице бросилась во чисто поле,
Скоро шла да по раснашистым полосункам,
Вдруг увидела ступистую лошадушку:
Доброй конь стоит — головушка наклонена;
Тут ужახнулось ретливое сердечушко,
Не видать да все надежной головушки.
Тут глядеть стала по чистому по полюшку.
Как сглянула на курчаву деревиночку,
Стоит деревце теперь — в цепу разломано,
Ко сырой земле ведь деревце приклонено;
Тут бросилась к кудрявой деревиночке.
Как лежит ейна надежная головушка,
На матушке лежит да на сырой земле,
Бела грудь его стрелой этой прострелена,
Ретливо сердце все молвией разорвано,
Белы рученьки его да пораскинуты.
Задрожала тут победная семеюшка,
Испугалася надежной головушки;
Нету душеньки его да во белой груди,
Нету зренья у его да во ясных очах,
Во устах его язык да не воротится,
Как убит — лежит, надеженька, подстреленой
От страсти он, надежа, тучи темной...
Воротилася победная суседушка
Она взад да во село тут деревенское,
Со раздольница, победна, со чиста поля,
Объявила тут суседам спорядовым,
Как наделала тревоги всему обчеству,
Беспокойства-то крестьянам православным;
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отправляли...
Ты послушай, спорядовая суседушка:
Приедут как судьи неправосудные,
Будут потрошить надежную головушку,
По частям резать, по мелким кусочикам;
Как распорют его грудь да эту белую,
Как повынут-то сердечушко ретливое,

У тебя тут, у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Буде жаль тошно надежной головушки.
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалий, бедна, любимой покрутушки,
Заложил-снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны бессчетной;
Как приедут дохтура да славны лекари,
Как со этого со города Петровского,
Попроси да, бедна, добрых ты людюшек,
Своих сельских проси, бедна, начальничков,
Писарев проси, победна, хитромудрых,
Штоб вступились по победной головушке,
Уговорили б дохтуров да оны лекарей,
Задарили б золотой казной бессчетной,
Штоб надеженьку твою не патрушили,
Штобы белой его груди не пороли,
Штоб сердечушка его не вынимали,
Штоб назолушки тебе не надавали,
Штобы придали ко матушке-сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья;
Не убойся ты, спорядная суседушка,
Говори, бедна горюшица, смелешенько,
Ты корись, бедна, с великою обидушкой,
Ты упрашивай, победна, с горючмы слезмы;
Може, сдобрятся судьи неправосудныи,
Ты сули им золотой казны по надобью,
Во потай сули без добрых ты без людюшек,
Тут озарятся оны на золоту казну;
Как дадут оны ведь, може, приказанье
Сколотить эту колоду белодобову,
Приубрать твою надежную головушку
И покрыть да этой матушкой-сырой землей.
Еще слушай-ка, спорядная суседушка:
Ты схоронишь как надежную головушку,
Ты во матушку схоронишь во сыру землю,
Ты во погреба опустишь во глубокии,
Постановится крестьянска вся работушка;
У тебя да у печальной тут головушки

Разорится дом, крестьянская вся, ведь, жирушка;
Будешь слыть, бедна кручинная головушка,
Ты бобылочкой, победна, сиротиночкой;
Вдруг останешь от участков деревенских,
Отлишишься от луговых от поженок,
Ты вспомнишь свет-надежную головушку,
Ты поплачешь на раздолье, на чистом поле,
Потоскуешь ты, победна, в зеленых лугах.
Ты послушай, спорядовая суседушка:
Не впадись в тоску, великую кручинушку.

ПРИЧТАНИЯ РЕКРУТСКИЕ
И
СОЛДАТСКИЕ

РЕКРУТСКИЕ**1****ПРИЧИТАНИЯ МАТЕРИ ПО СЫНЕ,
ВЗЯТОМ НА ВОЙНУ**

Я чего да сижу, мать бедна-бессчастливая,
Сирота теперь сижу да бесприютная,
И на брусовой сижу да на белой лавочке,
И под печальным косевчатым окошечком,
И под туманной стекольчатой околенькой;
Я сижу, бедна горюша, призадумавши,
И чужих басенок, горюша, прислухавши;
Подивуют мне-ка добры эти людюшки,
И посрекаются спорядные суседушки:
И, знать, на радости сидит да на весельице
И на великой, знать, господней божией милости:
У ей вси вкупе сердечны, видно, детушки.
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И что, ведь, прибрались народ да люди добрыи:
И не весельице у нас, да не забавушки,
И не тихий смиренныи беседушки,
И не честное у нас да пированьице;
Нонь как этым учётным долгим годушком
И сочинилась грозна служба государева,
И сволновался неприятель земли русской,
И присылать стали указы государевы;
И собирать стали удалых добрых молодцев,

Как на сходку ведь теперь да на общественну,
И тут писать стали удалых добрых молодцев
Да на этот на гербовой лист-бумаженьку,
И призывать стали судьи неправосуднии,
И все ко этим ко жеребьям дубовым.
Уж как эти удалы добры молодцы
И перед господа глаза да ведь крестили
И богородице молитовку творили;
И оны брали жеребья да тут дубовыи:
И пойти надо тут во службу государеву.
Как сегодняшним господним божним денечком
И хоть не скованы да резвы у них ноженьки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки бѣлы рѹченъки,
И обрестованы указом государевым.
Вот похаживат сердечно мое дитяtko,
И он по доброму хоромному строеньицу,
И да он буйной-то головушкой покачивает,
Он желтыма кудерками потряхиват,
И молодецкима-то ручками помахиват,
И он на память-то словечка спроговариват,
И говорит столько скаченная жемчужинка:
„Знать, судьба моя теперь да все несчастная,
„Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
„Сустигае грозна служба государева;
„И на роду да, видно, служба мне уписана,
„И, видно, на-делу бурлаку доставалася“.
Тут он смахне свои бѣлы эти рѹченъки
И на бурлацку молодѣцкую головушку,
И на завивные на желтыи кудѣрышка;
И не жалие молодецких кудер желтыхъ,
И с горя рвет да свои желтыи кудѣрышка.
Тут он смахнет молодѣцки бѣлы рѹченъки,
Он на эту на грудь да молодецкую,
И подожмет свое ретливое сердечушко:
„И не тоскуй да молодецкое сердечушко,
„Не унывай да молодецкая утробушка“.
И он пройдет да по хоромному строеньицу.
И он спроговорит единое словечушко,
Всім приближним спорядѣвым суседушкам,
Всім друзьям да молодцам своим приятелям,

В собину да душам красным скажет девушкам:
„Поглядите-тко, народ да люди добры,
„И на печального бурлака на молодого.
„И как хожу я по хоромному строеньицу,
„И по светлой хожу да я по светлице,
„И я не пьян, да с горя, молодец, шатаюся;
„Без воды да резвы ножки подмывает,
„Без огня мое сердечко разгорается,
„Без смолы моя утроба раскипляется,
„Дума-думушку бурлака пошибает,
„И ум за разум у бурлака забегает.
„Вы простите-тко, души да красны девушки!
„Как что сдидется над добрым над молодцем,
„Как возьмут да в грозну службу государеву,
„И вы вспомните, души да красны девушки,
„И вы снамятите-тко бурлака размолодого,
„Вы на этых горах да на искатных,
„И вы на тихих на смиренных беседушках!
„Помолитесь-ко, старушки стародревнии,
„Штобы господи бладыко-свет помиловал,
„Как от этой бы от службы государевой,
„И возвратил бы на судиму бог сторонушку,
„И рыболовушкам на сине бы Онегушко,
„И меня пахарем на чисто бы на поляшко,
„И воскормителем желанным бы родителям.
„И не тоскуй, моя родитель, родна матушка,
„И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
„И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
„И ты обидушки ко зябллой утробушке“.
Я гляжу, смотрю, победная головушка,
И на печальное сердечно свое дитяtko:
И, как не белая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумелася,—
Добрый молодец кручиной убивается.
Не дай, боже, ведь того, да, боже господи,
Расставаться со сердечным со дитяtkом.
Ой, тошнехонько ретливому сердечушку:
Как детская тоска — неугасимая,
И как жива эта разлука пуше мертвой.

СОВЕТ МУЖУ-РЕКРУТУ ИСПРОСИТЬ У РОДИТЕЛЕЙ ОТКУПА ОТ СЛУЖБЫ

И ты послушай, свет-надёжная головушка,
 И мы повзыщем, свет, желанных родителей,
 И мы корить будем сердечушко покорное,
 И мы головушку клонить будем поклонную,
 И мы приклоним-то бладенца трехнедельного
 И мы во резвыи родителям во ноженьки:
 И не спахнутся ль оны, да не скалуются ли,
 И по тебя, да тепло-красно мое солнышко,
 И по обидных сиротных своих внучаток:
 И, може, взыщут-то названо себе дитятко,
 И оны наймут-то бурлакушка все вольного,
 И слободят тебя, бурлацкую головушку
 И от злодийной от службы государевой:
 И буде, нет вкруте его да не находится,
 И так бы съехали ко городу Петровскому,
 И там нашли бы-то судей неправосудных,
 И задарили б золотой казной бессчётной,
 И что-б тебя, мою надёжную головушку,
 И все не приняли б во службу государеву.

ОБРАЩЕНИЕ ЖЕНЫ К РОДИТЕЛЯМ МУЖА С ПРОСЬБОЙ—ОТКУПИТЬ ЕГО ОТ СОЛДАТЧИНЫ

И вы уж слушайте, желанны свет-родители!
 И вы не спомните-тко зла да нашей лихости!
 И пожалейте сирот малых, наших детушек,
 И мою милую надёжную сдержавушку!
 И почитать буду я вас да богоданных родителей,
 И устилать буду цухову вам перинушку,
 И утоплю да тёплы парны про вас баенки,
 И столько вы, да свет-желанные родители,

И сберегите-тко вы красно мое солнышко,
И мою милую надежную сдержавушку,
И от злодийной этой службы государевой.
И знаю, ведаю, кокоша горегорькая,
И у вас добрая крестьянская, ведь, жирушка,
И все довольны беззаботны е, ведь, хлебушки,
И у вас есть да золота казна бессчётная;
И вы отпустите победну как головушку
И во злодийну эту службу государеву,
И дивовать да будут добры столько людунки,
И попрекать да вас спорядные суседушки,
И что спустили вы во службу государеву
И сердечное рожоно свое дитяtko,
И обсиротили ветляну вы нешутунку
И со стадушком ведь вы да со дётиним,
И порозгневали рожоно ваше дитяtko
И вы навеки-то его да нерушимые.
И вы глядите-тко, жаланны свет-родители,
И на свое да вы рожоно мило дитяtko,
И на мою да вы надёжную головушку!
Уж он держит-то бессчастных своих детушек,
И на своих носит бессчастных белых рученьках,
И по фатерушке, надёженька, похаживат,
И малым детушкам в горях да выговариват:
„Ой, бессчастные вы дети, не таланные!
„Уже в ком искать велико вам желаньице?
„От кого да ждять прелестных словечушек?
„И от дедушка, знать, вам да не желаньице,
„И от бабушки, ведь, вам да не раденьице“.

ПРИЧИТАНИЕ ЖЕНЫ ПРИ ПРОВОДАХ

И ты послушай-ко, надежная сдержавушка,
 И не ласкай меня, победну, не ублаживай,
 И мне-ка так, бедной горюшице, тошнёшенько,
 И порасстаться с тобой, красно мое солнышко,
 И с дорогой милой скаченой жемчужинкой;
 И моя трескае несчастная утробушка,
 И уныват мое ретливое сердечушко,
 И сколько глядючи на милую сдержавушку;
 И хоть меня да ты, победну, утешаешь,
 И сам горючи свои слезы проливаешь
 И во потай да от несчастной головушки,
 Что не видла б я, горюша, молодецких слёз;
 И ты послушай же, миженёско мое солнышко!
 И не жалий меня печальной головушки;
 И со кручинушки смерётушка не приде,
 И со тоски у мя душа с грудей не выйдет,
 Хоть текут горючи слезы не жемчужные,
 И мое лицо у несчастной—не бумажное;
 И мне-ка жаль тошно, победной головушке,
 И тебя умной жаль, надежной сдержавушки.
 И когда преж сего до этой поры-времечки,
 И до студеноей холодной этой зимушки,
 И у тебя да у скаченой у жемчужинки
 И красота в лице была, как красно солнышко,
 И белота была у света — снежку белого,
 И были умные учливы разговорюшки;
 Вдруг как сделалась великая незгодушка,
 И объявили лист-бумаженюку гербовую,
 И прочитали как указы государевы,
 И объявили злодей-службу завоенную,
 И как со той поры у нас, да с того времечки,
 И сомирской сходки, наш свет, да со собраньца,
 И когда съездил ты на обчество собраное
 И получил да когда жеребья дубовые,
 И как приехал в дом крестьянску свою жирушку
 И становил да ты ступистую лошадушку
 И ты у этого крылечика перёного,
 И я повышла все печальная головушка

И тебя стретить, свет, на широкой на уличке,
И на крылечике тебя да на перённом,
Чтоб ведь сдять с тобой доброе здоровьице,
И все пороспросить ведь милую семеюшку:
И ты со радостью ль приехал со весельцем?
И я взглянула как, кручинная головушка,
И на тебя, да тепло-красное мое солнышко,
И на твое да молодецко да бело личушко,
И я увидела, печальная головушка,
Что сменилося бурлацко твое личушко,
И помутились молодецки твои очушки,
И на головушке кудерки развивались,
И уж ты пьян не пьян, мой светушко, шатаешься
И говоришь — с тоски, победной, ты мешаешься,
И воспроговоришь ты мне-ка таково слово:
„И ты послушай-ко, жена бедна-бессчастливая,
„Я не с радости иду да не с весельца,
„Со злодиной великой тоскичушки,
„И меня обчеством, жена, да выбирали,
„И на гербовой лист-бумаженьку писали“.
И буде, верите, народ да люди добрые,
И да мне-кова печальной головушке:
И подломилися тут резвы мои ноженьки,
И приужахнулось ретливое сердечушко,
И закатился тут катучий белый камешек
И на моем да на бессчастном сердечушке;
И на сердце студит зима у мня студёная,
И ум-то разум во головушке мешается,
И белый свет да со ясных очей теряется;
И как не носят с горя резвы мои ноженьки,
И не глядят на свет победны мои очушки,
И с горя рученьки несчастны примахалися.
И как со этой поры да столько времечки,
И он — милая, надежная сдержавушка,
И он не кушал столько ествушек сахарных,
И не испивал да ведь он питьицев медвяных;
И хоть же сядем мы за стол да хлеба кушать,
И порасплачемся, победны, ростоскуемся;
И хоть сидим да со сердечными со детушкам,
И я держу в руках бладенца тринедельного,
И мы на ду-друга, несчастные, поглядаем,

И мы на малого бладенца-то посматриваем;
И сговорю, бедна горюша, таково слово,
Я своей милой, надежной сдержавушке:
„Я куда, бедна, с бладенцем поостануся,
„И уж я как, бедна-победна, воспитаюся,
„И мы великой тут кручины напитаемся,
„И мы горючима слезами напиваемся“.
И хоть повыйдем с-за стола да с-за дубового
И уж мы сядем на бросову белу лавочку,
И тут мы схватимся с надежной головушкой,
И да я сдвину тут несчастны свои рученьки
И на несчастны, на могучи его плечушки,
И на печальну, молодецкую головушку,
И стану жалобно, уныло причитать;
И как у мосей у надежной сдержавушки
И ростоскуется ретливое сердечушко,
И распечалится несчастная утробушка:
И унимать стане, победну, уговаривать,
И он меня да ведь, кокошу горегорькую:
„Ты послушай-ко, победна, молода жена,
„И ты не впадайся в великую кручинушку;
„И как после меня, несчастна добра молодца,
„И поостанутся сердечны тебо детушки
„И на роздий тебе великой тоскичушки“.
И уж как мне-кова, печальной головешке,
И не на радость мне-ка детушки, великую, —
И на злодийную великую кручинушку;
И как что сдиется, надёжная головушка,
И над тобой, да тепло-красно мое солнышко,
И по горям да наб пойти мне-ка, по позорам
И со сердечныма со малыми со детушкам.
И кабы знала я, горюша, про то ведала,
Что без тебя жить, без надежной сдержавушки,
И провожать да мне несчастну свою молодость,
И я в божией-то ведь церкви не стояла бы,
И я закону бы ведь е не принимала бы,
И я со волюшкой, горюша, не рассталась бы,
И со бладым сыном с тобой я не спозналась бы.
И лучше жила бы во красных еще девушках,
И у своих да свет-желанных родителей;
И, знать, судьба да у горющицы несчастная,

И написалась мне-ка жизнь да не таланная,
И буди прокля эта служба государева.
И разлучат да многих добрых столько людюшек,
И как бурлакушков ведь е да с молодой женой.
И ведь жива эта разлука пуще мертвой:
И три дня клубышком, горюшица, каталася;
Так тошно-больно ретливому сердечушку,
И порасстаться мне со красным тобой солнышком.
И еще слушай же, надёжная сдержавушка:
И как что едятся, сдвольной белой светушко,
И тебя вóзмут как во службу государеву,
И не оставь меня, печальной головушки,
И светам-братницам, несчастну, на обидушку,
И малых детушек своих на поруганьце;
И ты предай да ума-разума в головушку,
И как ведь жить буде, победной, мне головушке,
И без тебя, да тепло-красно мое солнышко,
И как по этой разливной красной веснушке,
И будут пахари на чистых на полянках,
И севчи да на распанистых полосушках,
И пойдут счастливы жены да все таланнѣ,
Как со своима со надёжныма головушкам,
И все по трудной по крестьянской работушке;
Уж как я бедна, несчастная головушка,
Я ходить буду по хорошему строеньицу,
Из окошечка в окошечко поглядывать,
И на прогульну буду уличку посматривать,
И унывать буде несчастное сердечушко,
И разрывать да буде зяблую утробушку;
И с горя брошусь я, печальная головушка,
И ко несчастным сиротным малым детушкам,
И с тоски вóзму их на белые на рученьки,
И сговорю бедна, кручинная, словечушко:
„И вы пойдёте сиротѣ да милы детушки,
„И вы на трудную крестьянску на работушку,
„И вместо свѣего родителя вы батюшка“.
И малы детушки несчастны, как малѣшеньки,
И они разумом ведь, детушки, глупѣшеньки,
И точно белочки в глаза ко мне поглядяют,
И не толкуют-то, несчастны, разговаривать;
У меня ж тут, у победной, у головушки,

И мое рвучи-рвет ретливое сердечушко,
И столько гляючи на малых этих детушек.
И без тебя, да как миженьско, красно солнышко,
И все без милоей, надежной сдержавушки,
И мне пойти да на крестьянскую работушку,
И поставить наб сердечных малых детушек,
И принести покор богоданной надо матушке:
„И ты останься-ко с несчастными со детушкам,
„И не обидь да ты сирот-то горегорьких,
„И так печальные-обидны мои детушки,
„И все без свбего родителя без батюшка“.
И хоть повыйду я в раздолье, во чисто поле,
И спомяну да тебя, красно мое на золоте:
И на этих я полях да хлебородных,
И на этих я лужках да сенокосных,
Где ходила я с надежной головушкой,
И я по трудной по крестьянской работушке,
И с весела да красно лето провожала
И за гульбищечко дорожку коротала;
Где мы думали ведь крепку с тобой думушку,
И говорили где затайные словечушка,
И на котором мы сидели белом камешке,
И под которой под сахарной деревиночкой;
И к деревиночке приду я потоскую,
И на катушем белом камешке поплачу;
И возжидать буду, печальная головушка,
И тебя, милую, любимую семеюшку,
И прокоробтаю, победна, день до вечера,
И до заката тепло-красного я солнышка;
И по домам да все суседи убираются,
И со чиста поля они да разъезжаются,
А я ждатель буду надёжную головушку:
„И появься хоть, тепло-красное мое солнышко,
„И мне впотай, бедной горюше, потихошеньку,
„И приобрадууй-ко ретливое сердечушко;
„Хоть в солдатском появься да мне-ка платьице,
„Хоть с оружищем приди да завоенным,
„И с пистолетиком приди да зарукавним;
„Не убоюсь, бедна горюша, не сполóхаюсь,
„И я не беглого солдата, не походного,
„И с тобой сдню, бедна, доброе здоровьице,

„И тут пороскажу великú свою кручинушку,
„И про своих да про несчастных малых детушек;
„И тут мы дú-другу, победны, пороскажемся,
„И посидим, бедны, печальны, посоветуем“.
Всё раздумаюсь победным умом-разумом,
И я несчастными мыслями не таланными:
И теперь годынки ведь е да все не прежние,
И времена пошли теперь да не досюльные;
И нонь не уйдешь ты, солдат, да не деваешься,
И на родимой сторонке не покажешься;
И отец-матушка теперь да отпираются,
И столько род-племя теперь да отрекается.
И ты послушай-ко, надёжная головушка,
И как признаю я, горюша, горегорькая,
Не откажусь я ведь, семья твоя любимая,
И от своей да от законной от сдержавушки,
И от тебя, да тепло-красно мое солнышко.
И нонь сегодняшним господним божьим денечком
И во тумане пече красно теперь солнышко,
И во печали златокрылой ты ясен сокол,
И во тоски, моя надежа, во кручинушке;
И у меня, да у несчастной у головушки,
И разболела все несчастна буйна гблова.
И разгорелося победно ретливó сердце;
И нынь раздумаюсь победным своим разумом:
И день ко вечеру теперь да коротается,
И час к часочику теперь да придвигается,
И молода жена с надежой расставается;
И как меня, да ведь печальную головушку,
И все долит тоска-кручина неудольная;
И без смолы моя утроба раскипляется,
И все дубовые мостинки подгибаются.
Да ты слушай свет любимая семеюшка:
И как послí тебя, надежной сдержавушки,
И поостанусь я, печальная головушка,
И не вдовой да буду слыть — женой не мужнейей,
И я несчастною солдаткой горегорькою;
И сирóты будут солдатски мои детушки,
И не обуты будут резвы у них ноженьки,
И не одеты их несчастны будут плечушки;
И приотпихнут-то желанны столько дядюшки

И от стола да их, несчастных, от дубового;
И приоткажут-то меня, бедну горющицу,
И все от доброй от крестьянской меня жирушки;
И тут студеной холодной этой зимушкой,
И отпущу да я сердечных своих детушек,
И между дворами, горюша я, шататися,
И по подоконью их, бедна, столыпатися;
И кладу на руку победным бураченочко,
И на несчастные на плечушки шубёночку;
И отпущу да как, победна, их, головушка,
И уделять стане великая кручинушка;
И прогляжу, бедна, в косевчато оконечко,
И на несчастных на малых на детушек;
И пораздумаюсь несчастным своим разумом:
И столько пустят ли их добрые там людюшки,
И во хоромное их пустят ли строеньице,
И обогреют ли несчастно ретливо сердце,
И сирот малых моих да бесприютных;
И хоть их оббранят, несчастных, обругают,
И у меня же да у победной у горющицы,
И на три ряд моя утроба перетрескае;
И хоть дождусь, бедна кручинна, я головушка,
И со пути идут несчастны мои детушки,
И со дороженьки они да все холодные,
И хоть там придут в дом, хоромное строеньице,
И они сидут-то о дверной бедной уголок,
И ростоскуются, несчастны, порасплачутся,
И говорить станут, победной мне головушке,
Что позябли крепко резвы наши ноженки,
Что дрожит наше ретливое сердечушко;
И так с кусочками я буду разбиратися,
И слезами я, горюша, обливатися,
И прижимать стану к несчастной утробушке,
И я своих малых несчастных своих детушек,
И причитать буду, горющица, я причетью:
„Ой, несчастные сердечны мои детушки,
„И бесталанна бедна мать да горегорькая;
„И как бы при доме родитель был бы батюшко,
„И дорога была, надёжная сдержавушка,
„И не сиротали бы вы горькие сироточки,
„И не зябли бы от снежку да ножки резвые,

„И от морозушка утроба бы не трескала,
„И от ветрышка лицо не поддевало бы,
„И нас великая тоска не удоляла бы“.
И как свезут да тебя, красно мое солнышко,
И ко злодийному ко городу Петровскому,
И буде, вóзьмут там во службу государеву,
И обмундэря вас мундиры сукон серых, —
И не в милое, солдатско это платьеце,
И вам повыдадут оружьяца военные;
И тут схожу да я во уличку рядовую,
И там возьму да я бумаженьку гербовую,
И повзыщу да писарев там хитромудрых,
И тут спишу твое солдатско бело личушко,
И на патрет твою покругу нелюбимую,
Я мундер спишу, горяша, сукон серых,
И твои ясные спишу да, бедна, очушки,
И тут солдатское спишу да нареченьце:
И я свезу этот патрет да все бумаженьку,
И на свою да на родиму я сторонушку,
На погляженьце сердечным своим детушкам,
И им на память-то родителя ведь батюшка;
И станут детушки по комнате похаживать,
И несчастну меня матушку выпрашивать:
„И ты послунай-ко, родитель наша матушка,
„И уже где наше великое желаньеце,
„И где родитель-от ведь наш, да где е батюшко?“
И у меня ж тут у печальной у головушки,
И тут великая обида порасходится,
И я схожу да в мелкорубленную клеточку,
И я во светлую схожу да с горя свѣтлицу,
И отомкну с горя ларци да окованные,
Я повыну тут патрет да бело личушко,
И принесу да ко сердечным малым детушкам:
„И вы глядите, бедны дети, памятите-тко,
„И как на своего родителя на батюшка,
„И тут великое сердечно вам желаньеце,
„И како да на родителе е платьеце,
„И как сокручен-то, несчастной, обмундерен,
„И как подтянуто солдатское сердечушко,
„И призастигнуты тут пуговки фрунтовне,
„И тут повыданы оружьяца пудовне:

„И столько тут его участки деревенские,
„У вашего родителя у батюшка“.
И как в поход его бессчастлива снаряжала,
И он подаль мне-ка патрет да лицо белое,
И наказал мне-ка, горюше, уговаривал:
„И тут надиюшка с сердечныма со детушкам,
И тут сердечное велико вам желаньице,
И тут великое ведь вам да доброумьице;
И оставляю я победной молодой жене,
Я до возрасту бессчастной до детиного,
И тут довольны беззаботны тебе хлебушки,
Со сердечными рожонными со детушками,
И тут обуточка ведь вам да и надеточка;
И тебе тут, бедной, любимые подарочки,
И тут бладычные тебе да божьи празднички;
И тебе тут бедной, горюше, угощеньице,
И на великое тебе да погляженьице,
И ты весь день держи на белых своих рученьках,
И да ты в ночь клади к ретливому сердечушку,
И да ты под-утро ко блеклому ко личушку,
И ты патрет клади да бело мое личушко;
И наликуешься, горюша, натоскуешься,
И ты горючими слезами приобольешься,
И не забудешь ты бессчастлива добра молодца,
И свою милую надёжную сдержавушку“.
И хоть я приняла, победная головушка,
И я патрет да это бело его личушко,
И тут я пала ведь, горюша, о сыру землю,
И я не видела тут, горюша, свету белого;
И да я клубышком, горюшица, каталася,
И я червышком, победная, свивалася;
И я не знала то, победная головушка,
И как с сырой земли, горюша, подымалася,
И как с надёженькой, победна, расставалася;
И сговорила тут единое словечушко:
„И лучше мать-сыра земля да расступилась бы,
„И уж бы я туды, победна, приукрылась бы,
„И тут утробушка моя не обмирала бы,
„И тут сердечушко мое не разрывалось бы“.
И моя милая надёжная головушка,
И тепло-красное миженьско мое солнышко,

И он тут белыми-то ручками помахивал,
И он головушкой ведь мне да все покачивал,
И он на память мне словечушки наказывал,
И как жива эта разлука пуще мертвой:
И я бы лучше ведь, кокоша горегорькая,
И отпустила б его в матушку сыру землю
И чем во эту во злодий-службу государеву;
Я бы знала ведь, печальная головушка, —
Где положена законная сдержавушка,
Я бы почаству, горюшица, учащивала,
Я бы подолгу, горюшица, усиживала
И с соблезными с сердечными со детушкам,
И у своей да у надёжной у сдержавушки,
И я у своего миженьска красна солнышка.
И подойду да я с злодийным несчастьицем,
Уж я взад ко любимой семеюшке,
И наложу да я несчастны свои рученьки,
И на его да я победную головушку:
И при последи-то теперь да поры времечки,
И поглядите-тко, народ да люди добрые,
И как ликуюсь я с надёжной головушкой:
И не ликуемся, победы, мы тоскуемся;
И ушибат да нас злодийная тоскичушка,
С тепло-красным миженьским моим солнышком:
И от меня да нонь, надежа, удаляется,
И он за горушки, надежа, за высокие,
И он за темные леса, да за дремучие,
И далеко-то он за мхи да зыбучие,
И он за круглые за малые озерышки,
И за синее, за славно за Онегушко,
И жаль тошнёненько победной мне головушке,
И поросстаться мне с любимой семеюшкой,
И отпущать да в злодей-службу государеву,
Мою милую надежную сдержавушку.
И лучше на свете была бы я не рбжена,
И родителью на свет да не попушена:
И не в пору мне-ка разлукушка, не во-время,
Расставаться с тепло-красным мне-ка солнышком,
И спознаваться со великим несчастьицем,
И как жива эта разлука пуще мертвой,
И спородила как родитель меня матушка,

И не участью таланом наделяла,
И знать, злодийным бесщастьем награждала,
И как ~~на~~ мою да на судимую сторонушку,
И впереди меня победной головушки,
И приотправили желанные родители,
Уж как это зло, великое бесщастьице,
И на моей, знать, на судимой сторонешке,
Уж на этом на крылечике перёном,
Кругом около злодийно обступало,
Всем беремечком за меня да захватилоса,
И как до этого учётна долга годышка,
И до этой до студёной холодной зимы,
Я жила, бедна горюша, веселиласа,
И со надёженькой жила да ликовалася;
И не верила ведь добрым того людюшкам,
Что бывает-то великая кручинушка;
Уж как сегоднешним учётным-то годышком,
Вдруг ведь сделалася великая невзгодушка,
И мне разлукушка с надёжной сдержавушкой;
И в перелом пришла велика мне кручинушка,
И мать сыра земля подо мной да подгибаетса,
И от горючих слез следочки заплываються;
И ум-тот разум во все стороны кидаетса,
И все бесщастны горьки мысли разбегаються.
И я не знаю-то, горюшица, не ведаю,
И не могу да ума-разума применитса,
И уже где да мне кручину разгуляти,
И уж где да мне головушку взвеселити,
И мне куды да ведь от горя подеватиса?
Я пойду, бедна, во ўличку рядовую,
И с горя зайдю я во лавочку торговую,
И я куплю да там оружье завоенное,
И с тоски стрёлю я в бесщастное сердечушко,
И с горя жизнь, бедна-победна, прикоробтаю.
И тут раздумаюсь победным своим разумом:
Воспокинуть-то сердечных надо детушек —
И тут сама того, победна, я сполохаюсь:
И материнское ведь сердце — не звериное,
И детская тоска — неугасимая,
И лучше пойдю я с великой кручинушки,
И в тёмны лесушки, горюша, я дремучие,

И со обидушки во мхи да я дыбучие;
И пораздию там великую кручинушку,
И со сердечными со малыми со детушкам.
И тут раздумаюсь победным своим разумом:
И хоть во этых темных лесах дремучих,
И там от ветрышка хоть деревца шатаются,
И до сырой земли дрéвa да приклоняются,
И хоть шумят эти листочки зелёные,
И поют да там ведь птички жалобнёшенько;
И уже тут моя кручина не укатится,
И уже тут мое сердечко не утешится;
И во мхах да ведь все звери поразвоются,
Они господу бладыке порозжалятся —
И я раздумаюсь победным своим разумом,
И также я, бедна горюша, растоскуюся;
И уже тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится,
И мне куда с горя, горюше, подеватися?
И стать на горюшке ведь мне да на высокие,
И выше лесушка глядеть да по поднебесью?
Идут облачка они да потихошеньку,
И во тумане нече красно это солнышко,
И во печали я, горюша, во досадушке;
И уже тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится,
И красным солнышком оно да не согреется.
И мне пойти с горя ко синему ко морюшку,
И мне ко синему ко славному Онегушку?
И буйны ветры в чистом поле развеваются
И на синём море вода да сколыбается,
И со желтым песком вода да помутилася,
И круто бьет теперь волна да непомерная,
И она бьет круто во крутой этот бережок,
И по камешкам волна да рассынается,
И уж тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится;
И у меня тоска кручина порасходится,
И на моем да на победном сердечушке,
И на несчастной на зяблоей утробушке,
И постою, бедна, у синя славна морюшка,
И тут раздумаюсь несчастным своим разумом:

И на роду́ мне-ка, горюше, знать, уписано,
И на делу́ мне-ка, горюше, доставалось,
Уж как это зло великое бессчастье:
И сиротать бедной кручинной мне головушке,
И унывать ходить ко снью, славну морюшку.
И тут я спомню, тепло-красно тебя солнышко,
И как волна да в синем море роспаталася,
И так же ты, може, надежная головушка,
И ты на кáрабле в синём море шатаешься,
И бури-надары, надеженька, пугаешься;
И тут сердечушко мое да разгорается,
Уж как стóючи на кру́том красном бóрежку,
Уж как глядячи на сине славно морюшко,
И на эту погоду непомерную,
И на эту волну да страховитую.
И тут раздумаюсь победным своим разумом:
Уж как бедным солдатам мореходным
И плотно-каменно ретливо наб сердечушко,
Да им ездить в синем славном этом морюшке,
И как на этих черных больших кáраблях:
Ой, тошным да мне, горюшице, тошнёненько;
И мне куда с горя, горюше, подеватися?
И впереди меня кручина не укатится,
И позади меня обида не останется,
И посторонь она злодийна не отшатнется.

РАССКАЗ МАТЕРИ О ПРОЩАНИИ СЫНА-РЕКРУТА С РОДНЫМ ДОМОМ

Вы послушайте, народ да люди добрые,
И все суседушки мои да спорядовые!
Как утрось было, с поранному по-утрышку,
Как до раннего пету́нья воспеваньца,
И до уныла соловьиного жупляньца,
И красно солнышко в тумане выкаталось;
И добрый мóлодец с кручинушки ставает,

И со обиды резвы ножки обувает,
И со печали цветно платье надевает,
Горючими слезами лицо да обмывает,
И сговорит да он, победной, таково слово,
И он мне да все родимой своей матушке:
„И благослови да на сей дѣнь меня господний
„И ты, желанная родитель моя матушка“.
И сговорит еще несчастной доброй молодец,
И он в обидушке, победной, таково слово:
„И я спал да ведь несчастной доброй молодец,
„И, знать, последнюю господню божью ноченьку,
„И во своей да я во светлой во свѣтлице,
„И на этой на тесовой на кроваточке,
„И на своей да на пуховой на перинушке,
„И на этом крутом складнеем сголовице,
„И я под теплым соболиным одеялышком;
„И не сном-то коротал да я ведь темну эту но-
ченьку,
„И думал думушку, несчастной, во бессоньнице,
„И обливался я слезами во кручинушке,
„И ретливое мое сердечко подмывало,
„И несчастная утроба обмирала,
„И, знать, приходит та пора, да это времечко,
„И как последние часы да со минуточкой,
„И как мне-кова удалу добру молодцу
„И наб поехать со хоромного строеньица,
„И разлучиться со родителю со матушкой,
„И порасстаться с родом-племенем любимым,
„И на век бросить да родиму эту сторону,
„Ой, тошнехонько, родитель жалостливая,
„Мне несчастному удалу добру молодцу“.
И не поверите, народ да люди добрые:
И не вмоготушку слезливые словечушка,
И не по летушкам великая ознобушка,
Уж как мне, да ведь кокоше горегорькоей;
Вдруг как треснуло ретливое сердечушко,
И перелопала несчастная утробушка,
И от тошна долит великая кручинушка,
И на глазах слезы у беднушки не ставятся,
И не вмогбу мне се-светное живленьице.

СОВЕТЫ СОСЕДКИ РЕКРУТУ

И ты послушай, спорядовой наш суседушко:
И за тебя да все бладыке мы помолимся,
Дал бы господи ведь доброго здоровьица,
И ума-разума во буйну бы головушку,
И понятия в ретливо бы сердечушко,
И тебе мудрости в бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиреньице,
И за твое да за велико доброумьице;
Ведь смиреньице у ты было со кротостью,
И всем челом да было низко поклоненьице;
Ты по уличке ходил да свет тихошенько
И ты головушку носил да понизёшеньку;
Поговорюшка была твоя ровнёшенька,
И сердечушко ведь было не спесивое,
И добрый мо́лодец ты был да не гордливой;
Да ты старого суседа не огру́бил,
Да ты малого бладенца не обидел,
И буде сбйденъ ты во службу государеву,
И спаси господи уда́ла добра мо́лодца
И от побоев-то тебя да от тяжелых,
И от страстей-властей тебя да страховитых;
И ты послушай, спорядовой мой суседушко,
И не поставь во гнев, сдобольной белой свѣтушко,
Что пона́кажу, кручинная головушка,
И не шали́, да ты там, дѣтѣ, не сбалу́йся-тко,
Не упивайся во хмельны да там напитокки;
И может, даст да господь службу не тяжелую,
И раскрое бог науки все великие,
И тебе да все во службе государевой;
И ты новыслужишь уречны свои годышки,
И, може, судит бог бладыко многомилосливой,
И побыванъ да на родиму ты сторонушку,
И с родом племенем, несчастной, увидаешься;
И издалека да ведь солдаты ворочаются,
И на великиих сраженьицах спасаются.
И еще слушай, спорядовой мой суседушко,
И как катучей этот камень не мохна́теет,
И так походной-то солдат да не богатеет.

И ты запрѣдал бы любимую скотинушку,
И да ты взял бы золотой казны по надобью.
И как во этой в грозной службе государевой,
И вы придержитесь, победны, притаскаетесь,
И там износится солдатско у вас платьеце,
Все притопчутся казенные сапоженьки;
И вы к начальству появиться не посмеете;
И вам ведь не нажить мундеров—сукоя серых,
И вам ведь не обути несчастных своих ноженек.
И еще слушай-ко, спорядной наш суседушко:
И не могу дознать, кручинная головушка,
И увидаем ли, спорядные суседушки,
И мы тебя да златокрыла ясна сокола
И как на сем да мы, горюши, на белом свете.
И хоть через три да вы учетных этих годышка,
И хоть каку, да ни е, весточку послали бы,
И хоть три строчки вы, победны, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да ведали:
И вы в какой орде, несчастны, в койи земле,
И в сухопутном ли вы, светы, походе, в селу,
И у синя моря ль вы, светы, на сраженьице,
Аль на крутом вы ведь, светушки, на бережку,
На желтых песках стоите ль на сыпучих;
И уже где да вы, победны, сохраняетесь,
И от злодией-неприятелей спасаетесь,
И в раздольицах-степях ли во великих,
Аль в долинушках, победные, во диких;
И упишите нам, сдовольны бѣлы светушки,
И у вас, може, несчастных у солдатушков,
И золота казна на тот-час не случается,—
И хитромудры писаря будут признаны,
Аль не будет у вас вольной столько волюшки;
И тут придет да как разливна красна веснушка,
Как повалят снежочки со чиста поля,
И повывесе ледочки со синя моря,
И будут корабли в синем море шататься,
И вы на кораблях, несчастные, скитаться,
И там увидите да малу эту птиченьку.
И как летит она, в родиму вашу сторону,
И попизешеньку вы птице поклонитесь-ко,
И пословечно перелетной накажите-тко,

ОБРАЩЕНИЕ РЕКРУТА К БРАТЬЯМ С ПРОСЬБОЙ О ПОМОЩИ ЕГО СЕМЕЙСТВУ

Уж вы слушайте-тко, братьица родимые,
И хоть я сойду-то во службу государеву,
Не наемничек иду да не охотничек,
И не забравши золотой казны бессчётной,
И не запродавши бурлацкую головушку;
Я за вас иду ведь братьицев родимых,
И так вспомните-тко, братьица родимые,
И не обидьте сироту да молодú жену,
И все после меня несчастна добра молодца
И приголубьте-тко сердечных моих детушек,
И воспитайте их до полного до возрасту,
И не спустите-тко по миру их крепцоному.

ПРИЧИТАНИЕ РЕКРУТА

И как у нашего хоромного строеньица,
Как у этого крылечика перёного,
Как у этого столба да точеного,
Как подогнаны ступнистые лошадушки,
И под меня, да под несчастна добра молодца;
И все извопички крестьяна полномочные,
И челом бьют да мне-ка судьи поклоняются,
И со мной дикют они доброе здоровьице.
И как до сегодня учётна долга гóдышка,
И в моем поросту было в возрастаньице,
И не знали меня добры эти людюшки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не кланялись;
И столько знать да стали добры эти людюшки,
И примечать стали судьи да правосудные,
И как брать надо во службу государеву.
И охти мне да добру молодцу тошнешенько,

И дай волю-те-тко, судьи да правосудные,
И сноровите-тко вы власти милосердные,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мне проститься со хоромным строеньицем
И во дворе да со любимой скотинушкой,
И во конюшеньке проститься с конем добрым.

ПРОЩАНИЕ С СЕЛОМ

И вы послушайте, удалы добры молодцы,
И уж вы милые любимы поровечники:
И да вы спойте хоть унылу ему песенку,
И взвеселите вы скачоную жемчужинку,
И ты пройди да ведь удалой доброй молодец,
И по прогулушке по широкой по улочке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумице;
И да мы поглядим, печальные головушки,
И как ведут да дружью-братьяца приятели,
И как тебя, нашу скачоную жемчужинку,
И под несчастны молодецки белы рученьки,
И воспевают-то солдатску жалку песенку
И уласкают-то скачоную жемчужинку;
И с деревенским селом, да свет, прощается,
И сговорит наша скачоная жемчужинка:
„И ты прости, прости, село да деревенское,
„И прости, улочка бурлакушка рядовая,
„И все суседушки, простите спорядовые,
„И вы простите, все старушки стародревние,
„Меня малые бладенцы недоросточки,
„И да вы вдовушки, простите-тко, победные,
„И меня горькие несчастны вы сироточки;
„И как ходил я по прогульной этой улочке,
„Я не впервые прошел, бурлак, последнее,

„И проторил да эту малую трюиночку,
„Я до матушки теперь да до сырой земли;
„И от меня да от дородня добра молодца,
„И от злодейской от великой от кручинушки,
„И мать сыра земля теперечко шатается,
И от горячих слёз следочки заплываются.

12

ЖАЛОБЫ РЕКРУТА НА ПЛОХОЕ К НЕМУ ОТНОШЕНИЕ

И спасет бог, да сдвуродима мила тётушка,
И на твоём складне-умильном причитаньице,
И на твоих да на росказах правосущих.
Уж как я да розбесчастной доброй молодец,
И безталанная победная головушка,
Я в несчастный день во середу засиян,
И в бесталанной день во пятницу в спорожен,
И я солдатушком в купели ведь окупан,
И во казенный во людунки возрожен;
И меня в зыбоньке солдатунка качали,
И вдвое-втрое тут мни горя накачали;
И уж я взрос да на катучем синем камешке,
И к завоенному оружию воскормлен,
И на измену светам-братьям родимым;
И от бладости во радости не бывано,
И от рожденьяца веселых дней не видано;
И не видал да я великого желаньяца;
И от родителя-родимой моей матушки;
И не слышал да я прелестных словечушек,
И от своих да светов братьяцев родимых:
И поровечники ведь мни были не подружье:
И подойду я к ним удалой доброй молодец,
И во глаза-то мни оны да прелещаются,
И по-сторонь оны „служивым“ нарекают;
И говорят да там суседи спорядовы:
„Не участник он участков деревенских,

„И не дóльщик он крестьянского ведь полюшка,
„И не косец да на луговых буде поженках;
И во глаза лэстят дружьё-братья приятели,
И по заглазью-то оны да спроговаривают:
„И вон казенный-то солдатушко похаживае,
„И горемыка-та удалая погуливае.
И подойду да я ко красным ко девушкам,
И ведь тут да мни, несчастну, не весельице:
И красны девушки миня да сторонилися,
И быв чужанина миня да положилися.
И вдруг подреже тут победно ретливо сердце,
И пустылая родима каже рóдинка!
И еще слушай же, родитель-мила тетушка:
И ты пойдн со мной ко городу Петровскому,
И да ты погляди, родитель-мила тетушка,
И как в злодийной ведь палате белокаменной,
И нас до-гола победных роздевать будут,
И становить станут под меру государеву,
И принимать станут несчастных добрых молод-
цев

И во злодийную во службу государеву;
И станут брить да наши жолты кудёрышки,
И приберёшь моя родитель-мила тетушка,
И мои жолты молодецкии кудёрышки,
На доброумьице себе, на поглаженъице,
И на розний себи великоей кручинушки;
И ты увидишь тут, родитель-мила тетушка,
И как нас сводят в божью церковь посвященную
И принимать да нас присягу уреченную,
И служить да верой правдой нам солдатушкам,
И без измены то царю-богу руссийскому,
И тут повысмотришь, родитель-мила тетушка,
И как водить станут несчастных солдатушков
И приучать да ко оружием завоенным,
И нас ко этым пистолетам зарукавным;
И как съедешь на родиму нану стóрону,
Порасскажешь многим добрым столько людушкам
И всим приближним спорядовым суседушкам.
Не ясен сокол с тепла гнезда слетает,
И добрый мóлодец из дому поезжает,
Не отец и не мать рекрúта провожает,

Провожала душа, красна девица,
И названа его рѳдная сестрица;
И на поезде таково слово сказала:
И не куют хоть у бурлака ноги резвыи,
Все во саночки садѳт да во дубовыи,
И лошадей пару кладут коней воронных,
Ему извозчиков дают да не по разуму,
И ко городу везут да ко Петровскому,
И во полатушку ведут да в белокаменну,
И становят его под меру государеву,
И принимают-то во службу государеву,
И тут на стульица саят да на гленовыи,
И вершала берут теперь да бритвы вострыи,
И оны бриют у его да кудри желтыи;
И волоса его падут да на дубовый пол,
И подбирае волоса да родна матушка.
Быдьте прокляты злодии-супостатыи.
Вергай-скрозь землю ты, нехресть вся поганая;
И секите вы кудри поскорая,
И точите вы бритвы повостряя,
И уж вы брийте его да побеляя;
Охти-мни, да мне тошнешенько.
И кабы-мне да эта бритва наостренная,
И не дала бы я злодийной этой некрести,
И над моим ноньку рождением надрыгаться;
И распорола бы я груди этой некрести,
И уж я выняла бы сердче тут со печенью,
И распластала бы я сердче на мелкѳ куски,
И нарыла бы корыто свиньям в месиво;
А и печень я свиньям на уеданьице.

СОЛДАТСКИЕ

1

ПРИЧИТАНИЕ СЕСТРЫ СОЛДАТА ПРИ ПРОВОДАХ СОСЕДА-РЕКРУТА

Я стою, гляжу, кручинная головушка,
И што в потай рушу, победна, горючи слезы,
И не поущу да я, кокоша, жалка гóлоса,
И я обидной горькой причети солдацкой;
И подивуют мне-ка добры эты людюшки,
И посрекаются спорядны вси суседушки;
Я сестра, видно, стою да ведь безбратняя,
И, знать, сердечушко мое да беспечальное;
И у меня ведь у победной у головушки
И йедина также скачоная жемчужинка,
И единоутробной, светушко-братец родимой,
И также отдан в грозну службу государеву;
Уж как третей-то учётный иде' годышек,
И как я да была в городе Петровском,
И хоть недолгой я поры да была времечки,
Хоть одну жила уречную неделюшку,
И насмотрелась на бесчастных я головушек,
И на победну, горьку жизнь да я солдацкую,
И не дай, господи, на сем да на белом свете,
И глядять-смотреть на подстрильных ясных со-
колов.

И отрешены-то от добрых оны людюшек,
И приотрекнутся от сродчев оны сродничков.
И я гляжу да нынь, печальная головушка,
И как похаживат наш сдвольной белой све-
тушко,

Уж как милой спорядовой наш суседушко
И он по доброму хоромному строеньицу,
И как тоскует-то ретливое сердечушко,
У дорогой милой скачоной жемчужинки.
И мне-ка смить ли-то, печальной головушке,
И подойти, бедной горющице, близёшенько,
И наложить свои бесчастны белы рученьки

И на победы молодецки твои плечушки,
И на несчастну молодецкую головушку:
И не огонь иду, горюшица, не обпалю,
И не змея иду, победна, я не оклюну.
И сама по-себе, горюша, разуметь могу,
Я по светушке по братце разумию вас:
И жаль росстаться с молодецкой вольной-во-
люшкой,

И роспроститься со родимой со сторонушкой.
И ты послунай, спорядовой мой суседушко:
И не радию я, победная головушка,
И тоби быть да в грозной службе государевой;
И возврати господи скачоную жемчужинку,
И тебя взад да на родимую сторонушку,
И большаком да тебя в дом-то настоятелем,
И тебя пахарем на чисто взад на полюшко
И сенокосцем на лугови на поженки,
И севчем да на роспашисты полосунки,
И рыболовушком на сине на Онегушко,
И как тебя, да тепло красно наше солнышко,
И наша милая свеща не топлёная,
И сожалиют все спорядны суседушки
И за твои да за умильные словечушка:
И как смиреннице у ты было со кротостью,
И ты не плут да был ведь—свет-то—не разбой-
ничек,
И красным девушкам ведь ты да не насмешничек,
И молодым женам ведь ты да не проказничек,
И как мужним-то жо́нам не стыдитель был—
И долгих вечеров, наш свет, да не просиживал,
И тёмных ноченек, наш свет, да не прогуливал,
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на тебя да златокрыла-ясна сокола:
И ныне под тученькой ты ходишь гряновитоей,
И ты под облакой ведь е да страховитоей.
И ты думаешь несчастным своим разумом,
И возрачусь да на родиму, може, родинку,
И ты послушай-ко, скачоная жемчужинка,
И не поставь во гнев, сдвольной белой светушко:
И буде господи-бладыко не помилует,
И от злодийной тебя службы государевой,

И ты пойдешь да во солдатушки походныи,
И ты во дальнюю путь-широку доробженьку,
И в безызвестну незнакомую сторонунку,
И я понাকাжу, печальная головушка,
И как тебе, милой спорядной мой суседушко:
И не случится-ль тебе слышать
И там про братца про родимого
И увидеть мою скачоную жемчужинку;
И во единой во казармы, може, сойдетесь,
Иль на стретушке, несчастны, може, стрититесь.
И да вы дү-друга, победны, приузнаете --
И за одним, може, столом да вы там будете,
И, може, сядите за стол, да против дү-друга —
И вы на дү-друга, победны, усмотритесь-ко,
И потихошеньку ведь вы разговоритесь-ко:
„И с коей стороны, солдат, какой губернки,
„И сколько лет служишь во службе государевой,
„И ты которой год в солдатушках походных?
И тут вы дү-другу, победны, пороскажитесь,
И вы, несчастны тут солдаты, поросплачетесь.
И ты скажи, да спорядовой мой суседушко,
И моей милоей скачоной жемчужинке,
И скажи низкое поклонно челобитьице,
И ты, скажи еще, сдовольной белой светуншко:
И таки-ль гнев несе скачоная жемчужинка,
И все на нас да на печальных головушек,
И што не пише скорописчатой он грамотки,
И не упише свою жизнь бедну солдацкую;
И таки-ль нет да ему вольной столько волюшки,
Иль на письмо нет золотой казны бессчетной,
И нет попутыщичков оттуль, видно, ходаталей.
И ты пороскажи, споряднов мой суседушко,
И што не знаем мы, горюшицы, не ведаем,
И во какой орды, наш свет, да во какой земли;
И што по утрышку его мы воскликаем,
И по вечерним зарям да вспоминаем.
И ты скажи, да тепло красное мое солнышко:
И как тоскую я по братце по родимоем;
И кабы мне-кава, печальной головушке,
И были крылышки горюше бы гусиньи,
И были полёты, победной, лебедины бы,

И я бы справилась. горюша, поднималась,
И выше лесушку, победна бы, дремучего,
И на безродну бы на чужу на сторонушку,
И я во дальны города бы незнакомы;
И облетела всю Русию подселенну бы,
И повзыскала бы скачоную жемчужинку,
И на пути да во солдатушках походных,
Я по этим бы казармам по казенным,
И по часовенкам искала бы на спасеньи,
И по зеленым лугам да там на-страженьи;
Я слетала бы за сине за Онегушко,
Я во это в океян да сине морюшко,
Повзыскала бы по черным большим кораблям,
И я по этим берегам да незнакомым,
И признавала б светушка братца родимого,
И по солдацкому несчастну белу личушку,
И по печальным его ясным по очушкам,
И по обидным по солдацким разговорюшкам.
И знаю-ведаю, печальная головушка,
И про его да я жизнь горьку-бесщастную.
И как в три-годы резвы ножки притопталися,
И все солдацки сапожонка придержалися,
И по походушкам мондеры притаскалися,
И заболели-то солдацки его плечушка,
И столько носятца ранчи эти казенны;
И подрожали, може, белы его рученьки,
И столько держачи оружица военны;
И притомивши-то, скачоная жемчужинка,
Уж он ходячи, нам свет, да по походушкам,
И он стоячи, победной, каравульщиком
Все у этих замков да у казенных,
И еще слушай же, спорядной мой суседушко,
И ты скажи светушку братцу родимому:
И как послы его, скачонной жемчужинки,
И изменилася крестьянска наша жирушка,
И издержалася золота казна бесщетная.
И ты еще скажи, спорядной мой суседушко:
И хотя ж есть да сватушки братцы родимы,
И все не спацливы к солдатушку бесщастному;
И как в злодийну его службу приотправили,
И прозабыли его братьца родимы,

И не распродают любимой скотинушки,
И не пришлёт да золотой казны по надобью,
И на расход ему солдатунку несчастному.
И сдай-волю, да спорядовой мой суседушко,
И мни поросказать про службу государеву,
И што я видела, печальная головушка,
И как была да я во городе Петровском,
И отпускали как солдатунков несчастных,
И их во партии, победных, во собраной,
И как идут путем да широкой дороженькой,
И оны в дальнюю орду да безызвестную,
И как с паранному было бы все по утрышку,
И приходили эти дядьки-то со старшима,
И оны прошли по казармам по казенным,
И оны громко всем солдатункам сказали:
„И вам отправка сего-денечка господнего.
„И вам со города теперь да со Петровского,
И как у этих у солдатунков несчастных,
И в крепкой сон да у солдатунков не забранось;
И тут повыстали солдатунки победны,
И как со этих оны коек со казенных,
И не ключевой водой да умывалися,
И как не в бело полотно да утиралися,
И умывалися солдаты горючмы слезмы,
И утиралися великою обидушкой,
И обували сапоженки тут казенны,
И на плечушки шанельчишки походны,
И крепко-накрепко сердечко подтягали;
И приходили хотя дядьки-то со старшима
И их повывели на шйроку на уличку,
И их в шариночку солдатов становили,
И по единушке солдатов выкликали,
И во походны солдаты назначали;
И как в шариночке, победнушки, стояли,
И уж так да камендеры надрыгались:
И как стояли бы, солдатунки, прямёшенько,
И глядили бы, несчастны, веселёшенько,
И белы рученьки был б да пороставлены,
И в иедицу струну бы ноженьки наставлены;
И говорили бы солдаты умильнешёнько,
И привыкали бы к ученью хорошохоенько.

И насупротив стоим, победны мы головушки,
И по близёшеньку ведь нас не подпущают,
И как злодии-камендеры скрозекозныи;
И нету душеньки у их да во белых грудях,
И нету совести у их да во ясных очах,
И нет креста-то ведь у их да на белой груди,
И не в могуту им умильно причитанье,
И им не по-сердцу горючи наши слезушки;
И как приставлены судьи да все немилосливы,⁷
И тут привозят они бочки с ключевой водой,
И тут над нами-то оны да надрыгаются:
И как начальнички стоят да там не русскии,
И как судьишечка ведь там не новгородскии;
И велят оны из труб да все пожарных
И нас окачивать победных головушек,
И все тушить пожар в ретливых сердечушках:
Ой, тошнёхонько победным нам головушкам;
И не в могуту нам со-светное живленьице
И все от этих властей да страховитных,
И все от этих судей да скрозекозных.
И при послёди-то, походе — этой времечке,
И как на нас да на победных головушек
И быдто бёлочки солдатушки поглядяют.
И быв упали серы заюнки посматривают,
И не посмиют-то удалы добры молодцы,
И с ноги на-ногу оны да все переступить,
И скинуть ясных бесщастных своих очушек,
И все на нас да на печальных головушек,
И у которых е желанны хоть родители,
И у которых е сестрицы хоть родимыи.
И хотя ж клубышком, горюши мы, катаемся,
Хотя червышком бесщастныи свиваемся,
И не повиря нам победным головушкам,
И столько этии власти немилосердныи.
И жаль тошнёшенько победным нам головушкам
И своих милных скачонных нам жемчужинок;
И на три ряд наше сердечко прирострескае,
И на четыре ряд утроба перелопала,
И столько глядячи на братьицев родимых,
И подходить стали судьи неправосудныи,
И как ко этим солдатам новобраным,

И наливали тут по чары зеленá вина
И оны в музыку злодии заиграли,
И барабанщик барабан да пробивает;
И сговорят да тут судьи не правосудны:
„Марш! В поход пойти бессчастным солдатуш-
кам“

И позади пошли, победны мы головушки,
И мы не знаем то, кокоши горегорькии,
В кую путь пошли широкою дороженьку;
И сговорят да тут судьи неправосудны:
„И вы прибравы солдатики молодыи
„И вы по городу пойдете по Петровскому
„И мимо славную палату енеральскую
„И вы пойдите новобраны веселёшенько,
„И пойте писенку, походны, умильнёшенько;
И столько дается солдатушкам бессчастным,
И им писенки запить да не хотелось бы;
И ущемлят у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зяблая утробушка;
И впереди идут все дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщички,
И среди да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И скрозь слёзы поют жалку оны писенку,
И скрозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногама-то выступают,
И ретливо сердчѣ ведь кровью запечатано.
И не дай, господи, на сем да на белом свету
И роставаться-то со братищем родимым,
И отпущать да во солдатушки походныи!
И не глядили бы победны ясны очушки,
И на бессчастное житье да на солдацкое,
И на слезливо их, победных, расставаньце.
И как жива эта разлука пуще мертвой:
И не родила бы, победна я головушка,
И я не роду бы крещеному, не некрести,
Как ходить да по солдатушкам походным,
И я не знаю ведь, печальная головушка,
Кое день, да кое темная де ноченка;
А во горях, бедна кокоша, во кручинушке,
И пѣ сырой земле, горюшица, каталася.

И сговорила тут скачоная жемчужинка,
И мой несчастной светушко братец родимой:
„И ты прости, прости сестрица свет-родимая,
„И ты во всей вины прости да во всей глупости.
И сговорил да еше, красно мое солнышко,
И со правбй руки подал да мни злачон перстень,
И от сердечка опояску новгородскую,
И со кормана он платок да левантеровой,
Вси подал да он утехи молодецкии;
И сговорил да при-последи таково слово:
„И я дарю тебе, сестрица свет родимая,
„Я на память-то, сестрица, свой злачон перстень
„На доброумье опояску новгородскую,
„И ни роздий тебе великой кручинушки,
„И со кормана я платок да ливантеровой;
„И спамяти меня, сестрица свет родимая,
„И ты гляди да на последний подарочки,
„И точно на меня удала добра молодца;
„И ты держи эты любимыи подарочки
„И да ты в день держи на белых своих ручень-
ках,
„И да ты в ночь ведь у ретливого сердечушка,
„И мой злачон перстень держи, бедна, по празд-
ничкам,
„И прилагай, бедна, ко блёклому ко личушку,
„И прижимай да ко несчастну ретливу сердчу.
Уж вы слушайте народ да люди добрыи!
Как прощалася, победна, расставалася,
Я со светушком со братцем со родимым,
И мы плотнёшенько ко сердчу прижимались,
И во сахарнии уста да целовались;
И сговорил еше, скачоная жемчужинка,
И с горя малое единое словечушко:
И он челом бил, мой ведь свет, да низко кла-
нялся,
И он до матушки, наш свет, да до сырой земли,
Ужо всим в купи спорядным суседушкам,
И он воздал да всим спасибо с благодарностью.
И он за ваше за великое желаньице.
И буде, вирите, народ да люди добрыи,
И не могу забыть, кручинная головушка,

И я про слезное со братцем расставашьице,
 И я про бедное солдацко похождение,ице,
 И я не в день забыть, не в темну ночь осеннюю,
 И поглядите многи добры столько людюшки,
 И вы на этого несчастна добра молодца
 И вы на этого суседа спорядового!
 И он тонёшенек теперь да как тетивочка,
 И молодёженек наш свет, да как травиночка,
 И зелена́ стоит быв он деревиночка,
 И не доросла как кудрявая рябинушка,
 И не дозрела борова да ягодиночка.
 И молчи́-то-ко, спорядной мой суседушко:
 И как ты сойдешь-то во службу государеву,
 И на словах да ты, несчастный, все простёше-
 нек,
 И умом-разумом, победной, ты глупёшенек,
 И ты потыченья, победной, наувидишься,
 И ты поушенья, несчастной, нанринимашься;
 И тут избита-то несчастна будет спинушка,
 Всё подбиты́ будут ясны твои очушки,
 Исколочена несчастна буде голова,
 Как подсечены ведь резвы будут ноженьки,
 И придосажено ретливое сердечушко,
 И приобижена несчастная утробушка;
 И в темном лице-да ты зверя устранился бы,
 И в чистом поле да ты змея убоился бы;
 И в злоднйной этой службы государевой
 И не начаешься — ты горя накачаешься,
 И не надиешься — обидушки навидишься;
 И не значай да получать будешь поушенья,
 И ты не знашь за што побои превеликни.
 Уже ой — да горе служба государева:
 И как еденьице вам буде ведь скотиное,
 И точно, питьице, победным, лошадиное:
 Уеданьице — вам будут ведь сухарики,
 И вам питемьице-то водушка со ржавушкой;
 И хоть не великую вину вы провинитесь,
 И нету милости, несчастным, нет прощеньица;
 И под бока станут солдацкии потыкивать,
 И подобьют да ваши ясны эти очушки,
 И победную несчастную головушку,

И дают розги во несчастны ваши плечушки,
И уже бьют да так несчастну вашу спинушку
И страшно-ужасно ведь палкама великими,
И вам не сто дают ведь разом целу тысячу;
И тело с мясом у несчастных сменяется,
И как из плеч да ручьем кровь-то разливается.
И как от этых побоев от тяжолых,
И тут несчастна бы головка не клонила,
И тут солдацкое бы сердце не корилося,
И на-б повынести могучим вашим плечушкам,
И эты смертны побои да тяжелы,
И на-б повытерпеть несчастному сердечушку,
Уж как всю эту обиду преужасную;
И тут утробушка у вас не унывала бы,
И горючі слезы у вас не протекали бы,
И как пред этым начальством пред всевышним,
И как пред этым злодием супостатым;
И веселым на-б быть, победным, не смеяться,
И при обиды вам, несчастным, не расплакаться;
И между собой начальники смущаются,
И над несчастныма солдатам изъезжаются.
И не поставь во гнев, спорядной ты суседушко,
И што жалобно, горюша, причитала,
И про злодийну грозну службу рассказала;
И хоть я не-была во службы государевой,
И не ходила по походам я солдацким,
И столько была я во городе Петровском —
Я одинова со братцем со родимым,
Хоть одну была уречную неделюшку,
Я навиделась, победная головушка,
И насмотрилась на солдатов, новобранных,
Как ходили на ученьице великое;
И хотя-ж ветрышки-то были со погодушкой,
И была стужа со морозама крепченскима
И все неверны камандеры страховиты,
И столько этых солдатушков молóдых
И приучали ко оружию завоенному,
И штобы вдруг ровно направо повернулись,
Што б в минуточку оружья перекинули;
И их повыстанет — шириночки казенны;
И плечо с плéчом ровно бы у них ровнёшенько,

И буйна голова была б у их прямёшенька;
И отойдут да камандеры тут ведь ротные,
А оны впрям глядя по плечушкам могучиим,
И оны вточь глядя по буйной по головушке;
И новобранни солдатушки бесщастныи,
И все к оружию оны не применилися.
И оны в вытяжку стоять да не навыкли,
И поворотушков держать да не умиют;
И горячи да эти ротныи-свирепыи,
И отдали да оны скоро поразойдутся,
И закричат оны злодии по-зверинуму;
И как этих бесщастных солдатушков
И оны ткнут да все во правое во плечушко;
И как у этих солдатушков бесщастных,
И со ясных очей да слезы вдруг повекут,
И как у нас да у печальных головушек
И обмираат наше ретливое сердечушко,
Уж как глядячи на скачонных жемчужинок;
Хоть в бело лице дуют буйны эти ветрышки,
В ясны-очи бьет погода непомерная,
И никуды, бедны солдаты, не увернешься,
И по фатерышкам, бесщастны, не разоидешься;
И от снежку да зябют резвы у их ноженки,
И от оружица бесщастны ручки белыи,
И от морозушку сердечко перетрескает;
И не одеты там собольи белы шубоньки,
И одны только мундеры сукон серых;
И у их здрагиват бесщастно тело белое,
И мне-ка жаль того победной головушке:
И лучше я, бедна горюшица, радела бы,
Ему скорую злодийну бы смеретушку,
И отпустила бы, горюша, во сыру землю;
И тут не ржавело бы победно ретливо сердце,
И где таскается бесщастно наше дитячко,
Иль зябет да по студенной он по зимушке;
И летной порой на дождях стоит сыпучиих,
И на страстях може, светушко, на ужастях;
И мое трескае ретливое сердечушко.
Ой, бесщастныи солдаты, не таланныи!
И как у вас да у победных головушек,
И без угару разболится буйна голова.

И от побоюшков у вас да от тяжолых;
На-б бояться-то судей неправосудных,
И покоряться на-б властям немилосердным,
И подрожать да вам кажинную минуточку.
И буди проклято на сем да на белом свете —
Уж как это зло великое несчастье,
Все злодиейное проклято бесталаньце —
Уж как эта грозна служба государева.
И трудна-тяжела ведь служба государева:
И день и ночь служить солдатушкам бессчаст-
ным;
И нет покою-то ведь темной этой ноченькой,
И нет отдоху на бладычны божьи празднички;
Дробить на-б, как начальству-то являтися;
Штоб мундеры сукон-серьих наглажены,
Как оружьице все было бы начищено,
И сабли востры все были бы насветлены,
И плотно на-плотно ведь были б подпоясаны.

2

**ПРОСЬБА СОЛДАТКИ ПОЗАВОТИТЬСЯ О ДЕТЯХ
ВО ВРЕМЯ ЕЕ ПОЕЗДКИ К МУЖУ**

И покорю, бедна, сердечушко покорное,
И я победную головушку поклонную,
Я ко милым светам братцам богоданным,
И при тоби корюсь, надёжная головушка,
И при собранных корюсь да сродчах сродничках,
И при всех да при спорядных суседушках:
И не спокиньте-тко победную головушку,
И не обидьте-тко сердечных малых детушек;
И хоть я съеду, бедна, к городу Петровскому,
И со своей милой, надежной с дершавушкой,
И поостанутся сиротны наши детушки,
И во своем да тепловитом оны гнездышке:
И малёшеньки ведь детушки, глупёшеньки,
И как не ведают бессчастливы сиротиночки,

Как про эту про великую невзгодушку,
Што разлукушка с родителем со батюшкой,
И расставаньице с великим желаньицем.
И не спокиньте-тко сирот вы бесприютных,
И да вы грубым словечком не грубите-тко,
И от дубова вы стола не откажите-тко.

3

**ПРИЧИТАНИЕ СОЛДАТКИ ПРИ ВСТРЕЧЕ С МУЖЕМ,
ПРИШЕДШИМ НА ПОБЫВКУ**

Как на моих да новых сенях решотчатых,
Сего денечка теперь да ведь господнего,
Из-за гор да красно солнышко выкатается,
Из-за облака светёл месяц является;
И веселым нынь-ко хоромное строеньице,
И нонь я радостна, солдаточка несчастная;
И тут я шла, бедна горюша, поскорёшенько,
И говорила бы, горюша, суровёшенько,
И возбудила бы сиротных малых детушек.
„ Уже станьте-тко, несчастны малы детушки,
„ И да вы дождались великое желаньице
„ И вы спацлива родителя в дом батюшка;
И тут повыду на крылечико перёное,
Я со радости, горюша, да весельица;
Я возрадую спорядных суседушек:
„ И вы не знаете, суседи спорядовьи,
„ Што я весела сего-дня — сего денечка,
„ И объявилася скачоная жемчужинка,
„ И моя милая надёжная головушка.
„ И как со этой грозной службы государевой;
„ И не купчем ведь он пришед да не торговым.
„ И он ко мни пришел ведь гостюшком любимым.

СОЖАЛЕНИЕ МАТЕРИ О ТОМ, ЧТО НЕ ОТКУПИЛИ СЫНА ОТ СОЛДАТЧИНЫ

Да ты слушай же, сердечно мое дитяtko:
И не на службу ведь тебя я спородила,
И не на горе я тебя ведь поженила;
И знать, судьба твоя ведь, дитяtko, несчастная,
И горька жизнь да уписалась неталанная.
И можешь знать-ведать, сердечно мое дитяtko:
И как стояла у полаты белокаменной,
И как была я у принёму государева,
И подломились там ведь резвы мои ноженки,
И подрожали там несчастны мои рученьки,
И приужахнулось ретливое сердечушко,
И я не видла-то, победна, свету белого;
И можешь знать-ведать, сердечно мое дитяtko:
И мне-ка все ровны сердечныи ведь детушки,
И однокровныи ведь деті, единоутробныи.
И глупо сделала, печальная головушка,
И я схватилася, победная, позднёшенько.
Уж как приехала со города Петровского,
И не глядить бы на любимых твоих братьицев,
И не жалить бы ведь крестьянской этой жирушки,
И нам нажить бы золотой казны по надобью;
И мы бы прибрали ведь светушка-охотничка,
И мы бы вольного уда́ла добра мо́лодца:
И он окинулся б на золоту казну бессчетную,
И он на этии на винныи на чарочки,
И он на цветное, бурлацко бы на платъице,
И на гулярну молодецку бы покрутушку;
И он сменял бы красоту свою, хорошество,
И он на эти бы на винныи на чарочки;
И заменили бы уда́ла добра мо́лодца,
И нашу милую скачоную жемчужинку,
И не спустили бы во службу государеву.
И побранили меня добры этии людюшки,
И меня милыи спорядныи суседушки,
И за тебя, мило сердечно мое дитяtko,
И вси жалили спорядовыи суседушки,
И дорогу милу вербу́ да золоченую.

И как послѣ тебя, сердечно мило дитятко,
У нас дом-житье теперь да изменилося:
И недорос да ведь довольным пошел хлебушкам
И у нас на двори ведь е да не плодилось,
И золота казна у братцев не скопилася.
И я проглупала, победная головушка —
И я послѣхалась ведь братьицев родимых,
И пожалела я крестьянской этой жирушки.
И как обидели, сердечно тебя дитятко: .
И хоть в поход дитѣ да отправляли,
И золотой казной ведь тут не наделяли.
И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко:
И знать, судинушка по бережку ходила,
И знать, с оружищем судьба да с завоенным.
И с пистолетиком она да зарукавным.
И знать, сустигло зло великое бессчастье,
И на пути тебя на широкой дороженьке,
И на прогулушке на широкой на уличке,
И сустигало зло велико бесталаньице.
И натомился ты во службы государевой,
И наскитался ты по чужой сторонушке,
И по дальним походам незнакомым,
И наносился ты оружищев пудовых
И на победных солдацких своих плечушках.
И кабы знала я, горюша, про то ведала,
И про твою судьбу теперь да про несчастную,
И с малолетства ведь тебя не обижала бы,
И ведь роботушкой тебя не огружала бы:
И мы бы дали ведь слободну пору-времечко,
И быдто вольному рекрутику нанёмному;
И добры кони тебе были бы обседланы,
И при седлышках ведь е да при черкасских.
И как росписаны дуги были заложены,
И как шелкова тебе плеть была б подавана,
И ты бы холост был, дитѣ, да не женатой;
И ты бы ездил по бладычным по праздничкам.
И взвеселял бы свою буйную головушку;
И я не знала то, горюшица, не ведала,
И про твою судьбу, дитѣ, да про несчастную,
И што ведь жизнь буде тебе да неталанная,
И што ведь сойдешь ты во службу государеву-

И можешь знать-ведать, сердечно мое дитятко:
И как с тобой да я, победна, расставаляся,
И я во ту пору, горюша, в тое времечко,
И не страшилась я, победная головушка,
И со тоски да во сыру землю вкопаться,
И со кручины во темном лесе заблудитися,
И во мхах этих дыбучих загрузитися.
И столько слушай же, сердечно мое дитятко:
И не начаяся, горюша, я печальная,
И за столом тебя, победна, сыто едячи,
И на тесовой кровати долго выпяци.
И теперь ходишь ты, сердечно мило дитятко,
И при обидушке ведь ты да при кручинушке;
И не подашь виду печальным нам головушкам,
И не даешь тоски, великой назолушки,
И мне победной, несчастной теперь матушке,
И ты печальной горюше, молодой жены;
И замечаем мы, несчастны гол вушки:
Хоть по мостиночке идешь да, свет, скорешенько,
И ты отвернешься от нас да суровешенько,
И проливаешь да ты несчастны горючий слезы,
И утираешься платочком кашемировым,
И говоришь с нами хоть, свет, да веселешенько,
И уговариваешь печальных нас головушек:
„И вы не плачьте, мои милы, не тоскуйте-тко“.
И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
И для чего ж от нас ты, светушко, туляешься,
И вопотай да ты слезами обливаешься?
И тебя ль путь да страшит дальная дороженька,
И тебя страх да долит служба государева,
Аль оружица страшат тебя пудовый,
Аль ученице страшит тебя тяжелое?
И хоть ты ходишь-то, скачоная жемчужинка,
И на усталых несчастных резвых ноженках,
И поджимаешь часто ретливое сердечушко,
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Я детина, бедна мать, смотрю солдацкая,
И на сердечное болезно тебя дитятко:
И быдто деревцо ты ходишь подсеченое,
И вроде вешная земля да ворошоная,
И быв как лежная трава да подкошоная,

И точно рыбина во сетку изловленная;
И хоть ты на своей родимой на сторонушке,
И во своем доме крестьянской во жирушке,
И хоть в любимом ведь у нас да во гостибище, —
И быв под тученькой ты, свет, да грязновитой,
И как под облачкой ты, свет, да страховитой,
И под злодийной неволей под великой.
Вот по утрынку, горюшица, ранешенько,
И подходила я, кручинная головушка,
И все к тебе, милой, скачоной жемчужинке:
И потихошеньку я двери отперала,
И тихо-кротко я к кровати подходила,
И поглядела на сердечно тебя дитятко,
И от крепка да сна, горюша, не будила;
И все я думала, печальна родна матушка:
„И крепко спит мое рожоно мило дитятко“.
И наложила я несчастны белы рученьки
И на солдацку белу грудь да заслужоную,
И на твое да на печальное сердечушко:
И твое бьется все победно ретливо сердце,
И не в покое все несчастная утробушка;
И ясны очи темной ноченькой заплаканы,
И как слезамы тут сголовьице измочено.
И у меня, да у несчастной родной матушки,
И крепко совьется несчастно ретливо сердце,
И об тебе, да об сердечном милом дитятке.
И могу знать-ведать, печальная головушка:
И столько думаешь, победный, думу крепкую,
И помышляешь путь, широкую дороженьку,
И думу думаешь о службе государевой.
И я погладила по бладой тут головушке,
И я припала тут ко блеклому ко личушку,
И спросила у сердечна мила дитятка:
„Уже спишь ли ты рожоно мое дитятко?“
И приответит тепло-красно мое солнышко:
— Ты послушай же, родитель, моя матушка,
— И я давно да от крепка сна прохватился;
— И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
— И што же дйется у солдатушка несчастного
— И на обидном, печальном ретливом сердце;
— И у меня множество великой заботушки,

— И в буйной головы великой е кручинушки;
— И думу думаю о службе государевой,
— И помышляю о путь, широкой дороженьке,
— И как поехать со любимой сторонушки.
Я гляжу-смотрю, несчастна еще матушка,
И на печальное рождоно свое дитятко:
И хоть ты на своей родимой на родинке,
И быдто чуждой ты от братицев-чужанинок,
И опришенной ты от роду, да от племени,
И все походочка твоя да переменена,
И нариченьце твое да не по-прежнему,
И очень томныи солдачки белы рученьки,
И от забот да буйна голова состарелась,
И от побоев бело лице изменилося,
И придержалася-то сила молодецкая;
И уныват мое победно ретливó сердце,
И разрывает да мою зяблую утробушку,
И столько глядячи на красное тебя солнышко,
И на печальное сердечное свое дитятко.
И ты не гневайся, сдвольной белой светушко,
И на несчастную родитель меня матушку;
И я бы нынешним умом да теперь разумом
И не спустила ведь, печальна бы головушка,
И я тебя в злодий-службу государеву,
И я заперла б во светлу тебя светлицу,
И я замнула бы в ларчи да окованыи,
Я держала бы впотай тебя от людюшек.
И как спросили бы народ да люди добрыи,
И про тебя, мило сердечное бы про дитятко,
И я ответила бы добрым тут людюшкам,
Што отправилось рождоно мое дитятко
Со любимого сердечного гостибидца
И он по вечеру, мой светушко, позднешенько,
И в полночь да ведь он темной этой ноченьки,
И далеко да в пути, широкой дороженьке.
И ублаждала бы, печально тебя дитятко:
И тебе ествушки, победна бы, справляла,
И я медвяныи питья да составляла бы.
И ты послушай же, сердечно мило дитятко:
И лучше матушка земля бы расступилася,
И туды я, бедна горюша, приукрылась бы!

И не глядели бесщастны мои очушки
И на солдацку горегорькую кручинушку,
И на твои да все победы горючи слезы,
И тут не ржавело бесщастно бы сердечушко,
И о тебе да все болезном миллом дитятко.

РАССКАЗ СЫНА, ПРИШЕДШЕГО НА ПОБЫВКУ, О СОЛДАТСКОМ ЖИТЬЕ

И приотвичу я, желанна тоби матушка,
И на ответ скажу, солдат, да я бесщастной:
И отряжаць до со родимой меня родинки;
И знать наскучил я, желанна тоби матушка;
И ты бы лучше ведь, родитель моя матушка,
И таких бы да ты ричей не говорила,
И сердечушко мое ты не печалила;
И как вспомнишь да ты службу государеву,
И так ведь совьется бесщастное сердечушко,
И обмерат моя победная утробушка.
И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
И како да е солдацкое живленьице,
И беспоместного солдату похожденьице.
Еще слушай же, родитель, моя матушка:
И как вешнии ручьи да разливаются,
И так у нас да горьки слезы проливаются.
И на ученьице, родитель, на мученьице,
И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
И до умертвия, победных, бьют головушек,
И скрозе строй гонят, бесщастных, нас
солдатушков;
И не доносят тут ведь резвы наши ноженьки,
И доведут да нас солдатушки бесщастныи:
И тут мы падем от побоев о сыру землю,
И тут ряхнемся ума-разума в головушке,
И мы не чувствуем ведь добрых-то людюшек:

И мы самы́ себя с побоев тут не ведаем,
И на плечах да мы не слышим тонко-белых
рубашечек,

И мы лежим да со побоюшков без на́виду.
И тут подóймут нас солдаты новобранни,
И под несчастны горегорьки белы рученьки,
И сговорят эти солдаты новобранни:

„Есь ли душенька у вас да во белых грудях,
Есь ли зреньце у вас да во ясных очах“.

И мы не чувствуем, победнушки, не знаем—
И так избиты мы, победы, исколочены,
И ко сырой земли, победы, приклонены.
И поднимают нас солдаты, выговаривают:

„И да ты можешь ли, несчастной-то солдатушко,

„И ты поднять свою несчастную головушку,

„И ты от матушки поднять да от сырой земли,

„И уже стать да на несчастны на резвы ногй

„И все поднять свои несчастны белы рученьки?“

И столько в ту пору, родитель, в тое времечко,

И мы родиму свою сторону спомянем,

И мы желанных вас родителей проклянем:

И вы зачем да нас несчастных спородили.

И еще слушай же, родитель моя матушка:

И как на ученьце ведь этом, на мученьце,

И вся изорвана победна наша силушка,

И вси сколочены ведь бедны наши костьца,

И вси истомлены ведь бедны наши рученьки,

И бесповинно бьют ведь нас до умертвия,

И все с голоду-то нас ведь заморяют,

И мы ведь с жадности солдаты посыхаем.

И как у нас, да у несчастных солдатушков,

И сердце бьется, как волна да на синем море,

И оно кровью ведь сердечко обливается,

И точно вода в крутой берег ударяется.

„И ты пороссажи, довольной белой светушко,

И про свою судьбу, горюше мне несчастную,

И про злодийну эту службу государеву,

И бесталанное солдацкое живленьце“.

И отвечает да тут солдат бедной походной:

„И ты послушай-ко, родитель, моя матушка!

И не выпрашивай, родитель, не выведывай,

И себе на́ тоску, родитель, на великую,
И на обидушку, родитель-то, несносную.
И мое дальнее, родитель, похожденнице,
И далеко был от родимой я сторонушки:
И за морями я, родитель, за глубокима,
И за горами я, родитель, за высокима,
И далеко да был за мхами за дыбучима,
И за великима лесами за дремучима;
И тут птиченька ведь е да не пролетывае,
И малы червышки туды да не проплывывают,
И добры людюшки туды не проезживают.
Уже-ой, да мне, родитель, так тошнёшенько:
И не воротится победно ретливо́ сердце,
И рассказать да про несчастное живленьце,
И бесталанно горегорько похожденнице;
И ты ведь лучше бы, родитель, моя матушка,
И ты на белый свет меня не попустила,
Аль спустила бы, родитель, во синё море,
И ты со этим бы катучим белым камешком:
И на белом свете ведь я да не шатался бы,
И по чужой сторонке не скитался бы.
И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
И про мою да про несчастну жизнь солдацкую:
И как победна моя спинушка избитая,
И тут солдацка голова да приколочена,
И вси изломаны победы мои костьца,
И я избит, бедной солдатушко, измученой,
И мне ученьце-то было—все мученьце;
И сперва не-далось, родитель, мне-ка матушка,
И мне солдацкое, родитель, то ученьце:
И вспомнил да я родиму там сторонушку,
И проклинал да я родитель, тебя матушку,
И поразгневался на братьцев родимых,
И отрекнулся от крестьянской этой жирушки,
И не уписывал родителю я матушке,
Я не низкое поклонно челобитьце,
И я победну эту жизнь свою солдацкую.
И рассказать тебе, родитель, родна матушка,
И на-б на летной сисьте господень божий денечек:
И как к оружицу несчастных приучали,
И мы не в день, не в ночь, победы, не спали;

И ты послушай-ко, родитель, моя матушка:
И хоть студёная холодна эта зимушка,
И хоть плящии морозы неудобны,
Хоть на улице погода непомерная,
Хоть буйны ветры с снежком идут перыстым, --
И столько нас бедных солдатушков
бессчастных

И на ученице нас гонят тут на улочку,
И на гладкое на чистое на полюшко;
И хотя ж бьет эта погода непомерная
И во несчастны нам во ясны во очушки,
И веют ветрышки во блеклое во личушко,
И хоть зябёт наше ретливое сердечушко,
И не куда ж да тут, родитель, не деваешься,
Тут от ветрышка, родитель, то не скрбёшься,
И от погодушки, родитель, не схоронишься,
И со шириночки, родитель, тут не выскочишь:
И тут команде начальство превеликое;
И от оружица зябут да ручки белые,
И от снежку да зябут резвы наши ноженьки,
И принавие наше бедно это личушко.
И ты не плачь, родитель, не тоскуй еще,
И мне-ка дай волю, родитель, то повысказать,
И я повыскажу, родитель, ты повыслушай:
И на ученице стоим да день до вечера,
И с руки на руку оружие перекладываем,
И с ноги на ногу ведь мы да переступываем,
И справа налево ведь мы да все повертываем,
И выше головы оружие поднимаем,
И поскорешеньку оружие заряжаем.
И не дай боже, то родитель, не дай господи,
Уж как этой грозной службы государевой!
И хоть оружице у нас да все промахнется,
Аль плечо с плечом у нас да все не сойдется,
Аль ступня с ступней у нас да не сровняется,
И тут заметят кумандеры-то ведь ротные,
И по белу личу дадут да нам затрёщенье,
Аль по головы дадут оны заушенье.
Аль под белую-то грудь оны—подтычину.
И как во ту пору, родитель, в тое времечко,
И прозабудем мы родиму свою стóрону;

И не до вас да нам, родитель, родна матушка,
И мне не до своих сердечных своих детушек,
И я повыложу с ума да молодú жену.
Хоть с ученьица в казармы ворячаемся,
И мы придем да во казармы во казенныи,
И не дубовыи столы да нам расставлены,
И все не шиты скатерти да нам разостланы;
И нам ведь ествушки готовы не сахарныи,
И да нам питьица готовы не медвяныи:
И точно питьице, победным нам, скотинное,
И еденьице несчастным лошадиное;
Уеданьице—мякины нам сухарики,
Упоеньице—нам водушка со ржавушкой.
И трудна, тяжела ведь служба государева.
И не спокойно тут солдацкое сердечушко—
И наб в умы держать несчастным тут

солдатушкам

И как начальству нам, победнушкам, явится,
Штоб мондеры сукон серых наглажены,
И как оружица ведь были бы начищены,
И сабли острыи ведь были бы насветлены;
И кабы видеда, родитель, моя матушка,
И как стоим да на ученье во чистом поле,
И тут обмерло бы ретливое сердечушко—
И тут бы пала тут, родитель об сыру землю;
И нам не выдано, солдатушкам победным,
И круг сердечушка нам теплых этых шубонек,
И мы в одных, бедны, мондерах сукон серых;
И как мундерики у нас плотно застегнуты,
И белá грудь да у нас крепко ведь подтянута,
И ретливо сердце у нас да обрестовано;
И на годовой-то бладычной божий праздничек
И нам больши того живет да все мученьице,
И день до вечера живет да на ученьице;
И ты бы видеда, несчастна моя матушка,
И тут ты впала бы в тоску неугасимую,
И во злодийную великую обидушку.
И подрожат да наши белыи тут рученьки,
И подломятся несчастныи резвы ноженьки,
И приужахнется солдацкое сердечушко,
И ум тот разум во головушке мешается.

И не радию я, солдат бедной бесщастной,
И не какому-то теперь да неприятелю,
И столько быть да все во службе государевой,
И што оружьяца носить да во белых руках,
И сабли востры держать да на белых грудях.
И кабы видела, родитель, ты бы слышала,
И как стреляют со ружья да завоенного,
И устрашилась бы, родитель, уполохалась;
И с этой страсти бы, родитель, с переплоху,
И подломились бы ведь резвы твои ноженьки,
И подрожали бы пристарши твои рученьки,
И ты бы отперлась, родитель, отказалась бы,
И ты глядить-смотреть, печальная головушка,
И на бесщастных солдатушков походных
И на ученьце ведь их да на мученьце.
Уже слушай же, родитель, моя матушка:
И не начался я солдат, бедной походной,
И столько в живности, родитель, моя матушка,
И побывать да на родиму я сторонушку;
Да я думал все бесщастным своим разумом,
Што с побоев приде скорая смеретушка,
И со страсти выде душенька с белых груди.
И еще слушай же, родитель, моя матушка:
И как война когда ведь есть да сочиняется,
И тут мы скажем-то, солдаты новобраны,
И на войну пойдём, солдатушки, бесщастны,
И со белым светом пойдём да расставаемся,
И меж ду-другом, бесщастны, прощаемся.
И тут оружьяца у нас да призаряжены,
И сабли востры у нас да принаточены,
И воевать пойдём ведь мы да с неприятелем,
И день и ночь идем мы широкую дороженьку;
Приустанут тут резвы наши ноженьки,
И примашутся бесщастны наши рученьки,
И приустанем мы, солдаты, призамаемся.
И во пути да мы, дороженьки, роздумаемся,
И мы во дальней горюны да поросплачемся.
И во пути, да нам во широкой дороженьке,
И нету водушки, родитель, на питемьце,
Хлеба-соли нет у нас да на яденьце,
И нет покою-то ведь темной этой ноченькой,

И нет отдыху на бладычный божий праздничек
И мы идем путем, широкою дороженькой,
И мы горючима слезами обливаемся,
И свою сторону, солдаты, вспоминаем:
И не бывать да на родимой, може, стороне.
И мы прижмем к сердцу оружьяца военныи,
И сговорим да мы несчастны таково слово:
И вы оружьяца военны—родны матушки,
И штыки востры—ведь вы да сестры родныи;
И вы спасите-тко солдатов, сберегите-тко,
И на двенадцать частей пушки розорвитесь-ко,
И к неприятелю теперь да к ретливу сердцу,
И повредите вы злодия супостатова!
И на сраженьице солдаты побывали,
И трои сутоки мы хлеба не едали.
И как сраженьице у нас да сочинялось,
И от солдацких слез земля да подгибалась,
И от обидушки следочки заплывались;
И темны лесушки к зени да приклонялися,
И звери лютые от страсти розбегалися,
И в переполоху тут птиченьки падали.
И мы ж, солдаты, тут стояли, не пугалися,
И мы палили, тут удалы не дробили ведь,
И тут сражение да было превеликое,
И кроволитье да тут было приужасное;
И от дыму-то не видно свету белого,
И мы ходили-то, солдаты, по колен в крови,
И мы плавали, солдаты, на плотях-телах,
И ручьями кровь да туды-сюды разливается,
И наше храброе сердче да разгоряется:
Тут одна рука не може, другая пали,
Тут одна нога упала, другая стой;
И раззудилося плечо, да расходилося,
И бурлацкое ведь сердче не устерпчиво:
И гди ведь пулей не-йдем, там грудью берем,
А где грудь не бере, душу богу отдаем.
И ка-бы знала бы, родитель, про то ведала,
И отрекнулась бы, родитель, отказалася,
И ты глядять-смотреть на это на сраженьице.
И ты бы пала тут, горюща, о сыру землю,
И ты обмерла, победна, в переполоху,

И тут закрыла бы, несчастна, ясны очушки.
И еще слушай-ко, родитель, моя матушка:
Уж как в злодийной этой службе государевой,
И не порой да молодецкая головушка состарится,
И как бурлацка эта кровь да потеряется—
И день и ночь да с ружьем стóячи военным;
И с пистолетом там, родитель, зарукавниим,
И со штыками-то, родитель, все со вострыма.
Уж ой же, эта служба государева;
Я привиделся, солдат, бедный несчастной,
Я обидушки, родитель, злой досадушки,
И я большій того, родитель, все напраснины:
И хоть повыстанем, солдаты, мы поутрышку,
И не ключевой водой мы умываемся—
И мы солдацкима слезама упиваемся,
И мы великою кручиной утираемся.
И еще слушай же, родитель, родна матушка:
И кабы нынешним умом да теперь разумом,
И не боялся бы ведь братьицев родимых,
И не пожалел бы я любимой скотинушки,
И не дому́ бы я, крестьянской этой жирушки;
Я запродам бы хоромное строеньице,
И всю бы милую, любимую скотинушку,
И заложил бы я участки деревенскии,
И в заклад бы отдал поля да хлебородныи,
И сам задался бы к крестьянину богатому
И я бы на десять учетных долгих годышков,
И я во летны бы задался во работнички,
И я во зимны задался б дроворубчики,
И тут бы нажил золотой казны по надобью,
И откупился бы от службы государевой.
Уж я лучше бы, родитель, моя матушка,
И день и ночь да у крестьянина роботал бы,
И чим во злодейных солдатушках походных;
И хоть бы жил я во победной этой жирушке,
И я не славным бы жил да ведь крестьянином,
И столько на своей на вольной был бы волюшке:
И буйна голова ударов не ведала бы,
И бедны плечушки побоев не терпели бы,
И я не бит был бы победной, не изломаной,
И не изломаной я был бы, не истасканой*.

И я про этих тонконог да вихреватых;
И как несчастны ведь, злодии, неталанны;
И как у этих хватов—да подтяни нога,
И как у этих вертунов—да посшиби рука,
И нету душеньки у их да во белых грудях,
И нету совести у их да во ясных очах;
И нет ума-то у их да во буйной головы,
И гордо голову несут да все посвистывают,
И во мамоны-то у их да все побурливае.
И уж как эти ярыги скрозекозны,
И подольщаются ко тщерям оны матерным,
И с ума сводят оны девушек молодых;
И своей збруей-то оны да все позванивают,
И во кругах-тонцах оны да их завертывают.
И как безумны эти девушки молодые,
И они вирают-то ярыгам скрозекозным;
И на ричах оны, злодии, чваковиты,
И во умах оны, ярыги, все дурливы;
И во устах да ведь соты у их медвяны,
И во сердцах у их—змия да подколодная;
И усмеваются оны да посмеиваются,
И над красой-басой девочьей потешаются,
И над родителю ведь их да надрыгаются;
И судил господи, велико бесталаннице,
Уж как этим злодиям супостатым;
И ведь казнил да их господи безумьцом,
И как за ихно за велико беззаконие;
И не жалиют, што солдатушков несчастных,
И за пропащу их собаку почитают,
И все бьют да их несчастных до умертвия.
И еще слушайте, народ, да люди добры:
И я спросила у сердечного у дитятка,
И как у этого солдатушка походного,
И ты в котору лучше шел бы во дороженьку—
И ты во матушку бы шел да во сыру землю,
И лучше принял бы ведь скорую смеретушку,
Аль пошел бы ты в полки да новобранны,
И во солдаты бы пошел да во походны?
И приответит тут, сердечно мое дитятко:
И ты послушай же, родитель, моя матушка,
И да ты, глупая старушка, неразумная:

И пока бог души не вынет, так сама душа не
выдет.

И я не знаю же, солдат бедной, не ведаю,
И уже гди да моя жизнь бедна скончается,
И гди помрет моя солдацкая головушка,
И гди схоронится победно тело грешное.
И я ждал бы-то, родитель, родна матушка,
И помереть да на родимой своей родинке,
И не радел бы я солдат бедной, несчастной,
И как по дальней ходить широкой дороженьке,
И все принять да ведь смеретушку напрасную,
И я от этих властей неправосудных,
И я от этих судей да скрозекозных,
И я от этих злодиев супостатных;
И впереди судьба несчастна уродилася,
И бесталанна мне-ка жизнь да прилучилася,
И как служить да в грозной службе государевой,
И век корбтать на великом мученьице,
И на великом мученьи—неудольном.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

Базыковаты — бранчливы, сварливы.

Безотини — без отца.

Безуеннини — безумные т. е. которых
не унять.

Блада — млада.

Бладыко — владыка.

Ведома — весть.

Ветляных — развязных, расторопных.

Возжупляет — поет иташкою.

Гостибницо — ипрушка, гости.

Грубá — сердита.

Дольщица — участница в доли.

Живленьце — житье.

Жпрушка — жизнь.

Жупляннице — жунеть, возжуплять неть
иташкою.

Затульце — ограда, защита.

Кехтала, кехтатъ — хотеть, охотиться к чему.

Кокоса — кукушка.

Костыч — будничный, старинный сарафан.

Липинки — дверной, оконный косяк.

Луды — подводные камни.

Матёрый — дородный, возмужалый.

Мижонный — от межень жаркая пора.

Мутареливые — мутарственные, трудные.

Неудольноей — несчастной.

Нешутушки — новости.

Нуньку ныне.

Огрублены — обижены, оговорены, оклеветаны

Опришена — отрешена.

Отпорядничала, порядничать — править хозяйством, готовить, варить, обряжать стол.

Надара — буря надара — сильная буря.

Наю — частн, пая.

Переному — обнесенному перильцами.

Перепалась — изнемогла, испугалась.

Плящи морозы — от корня *пл*, откуда: пламя, пыл. Эпитеты огня и морозов.

Повозники — обозники.

Подсюльному, досульный — до сего времени, прежде.

Подрачиваю — поглаживаю рукой.

Пожня, поженки — покосный луг.

Позоры — позор, позорище.

Пойво — питье.

Порядня — заведенный порядок.

Посиделище — очень старый, седой.

Приворотчик — привратник.

Придрокushка — ласка.

Прискудалась — оскудела, обнищала.

Прокладбище — продолжение, удлинение удовольствия. Ср. прокляжаться.

Пронос — не виронос — не для сплетен, чтобы не пронесли по всей деревне.

Пронятися — выйти из затруднения.

Ригач — рига, овин.

Рутит — роняет.

Рушю — роню (слезы).

Самохватных — хвастливых.

Сдержавушка — муж.

Семеюшка — муж.

Скоп — сходка.

Скрозекозныи — исполненные козней.

Сомношечко — несомношечко — немного.

Спахнуся — спохвачусь.

Сплеснулась — сшиблась.

Столыпатися — бродить толпами.

Стопочки — вешалка.

Сúрова — резвая, шаловливая, бойкая.

Туляешься — прячешься.

Удoveц — вдовец.

Упалой — упавшей духом, испуганной.

Утовщище — вдовец, удoveц.

Уцьливой — учливой, вежливой.

Штуковаты — хитрые, затейливые, себе на
уме.

Щепливой — щегольской.

Ям — место для сходки, земская изба.

Яриги — пьяницы, беспутники, развратники.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ирина Федосова. Очерк	3
Рассказ Ирины Федосовой о своей жизни . . .	10
Причитания по умершим	17
I. Вдовьи плачи	19
II. Плачи сестры	45
III. Причитание тетки	51
IV. Причитания матери	55
V. Причитание дочери на могиле матери . . .	65
VI. Плач по убитом громом-молнией . . .	66
Причитания рекрутские и солдатские	71
I. Рекрутские	73
II. Солдатские	100
Словарь местных и старинных слов	131

Отв. редактор Бабиц П. Ф.   Корректор Вороши С.   Техн. ред. Бабаев С.

Уполн. Главлита Карельской АССР № В-619   Каргосиздат 152   Заказ № 315
89% н.л. 6 экз. л. кол. экз. на н.л. 26.000   Тираж 3107   Формат бумаги 82×111

Сдано в набор 16 IX-37 г.   Печатано к печати 15 VIII-38 г.

Гос. типография н.л. Анюшина, Пет. озеравдск, Пушкинская 7.

Замеченные опечатки.

Стран.	Строка сверху	Напечатано	Следует читать
23	13	победушке	победнушке
24	34	Не нечаяла	Не начаяла
35	1	шепливой	щепливой
41	4	О этих	От этих
48	34	пора-времячко	пора-времячко
97	13	в спорожен	спорожен
107	14	И ни роздий	И на роздий
114	3	И недорос	И недород
123	2	И не какому-то	И никакому-то